

Глава 3

«ЗА ДЕРЖАВУ СТОЯТЕЛЕН...»

«Военная» глава в этой книге больше всех прочих по объему. Причина такова: именно войны, военная организация и военное дело объясняют важнейшие повороты в царствовании Ивана IV. Историки разных времен искали то в социальном, то в экономическом развитии страны причины реформаторской деятельности, воздвижения опричнины и самодержавных устремлений Ивана IV, или же, соблаздившись психоаналитическими домыслами, диагностировали у самого царя признаки сумасшествия⁶⁹. Но, кажется, основа всего — географическое положение Русской цивилизации, в силу которого она вынуждена была воевать очень много, и все ее внутреннее устройство в значительной степени «заточено» под масштабные военные усилия, предпринимаемые регулярно.

В XVI столетии Московское государство воевало часто и на всех границах, за исключением разве что северной, проходившей по побережью Северного Ледовитого океана. Иван IV не обязан был лично принимать участие во всех крупных походах и сражениях, но положение государя принуждало его самым активным образом заниматься обороной страны. Историки спорят о том, насколько Иван Васильевич сумел проявить полководческие способности, решительность, волю, энергию в качестве главного защитника страны. Впрочем, современники также расходились во мнениях на этот счет. Одни обвиняли его в трусости, а другие считали, что царь был «ко ополчению дерзостен и за державу стоятелен...».

Все монархи из династии московских Даниловичей в большей или меньшей степени получали опыт боевых действий, водили армии, с молодых ногтей привыкали к обстановке крупных военных кампаний. Вдосталь хлебнули такого опыта и Василий II, и Иван III, и Василий III. Они рисковали своими жизнями, побеждали и терпели поражения, а Василий II даже побывал в плену у татар. Правда, если большое войско татар двигалось на Москву, оборонительный корпус обычно возглавлял не государь, а «большие» воеводы. Татары считались самым серьезным, самым страшным врагом как в XV столетии, так и в XVI⁷⁰. Рисковать в подобных обстоятельствах монаршей особой было все равно что ставить на кон судьбу всего государства, и великий князь, как правило, отправлялся в «замосковные» города собирать войска. А в остальных случаях присутствие государя в полевой армии диктовалось масштабом боевых действий, конкретной надобностью, в конце концов, характером самого великого князя... Так, например, Даниил Московский, Иван Калита и Иван III дипломатию предпочитали войне, а большую политику — личному героизму на поле боя. Зато Юрий Данилович, Василий II и Василий III, кажется, любили хорошую драку... Так или иначе, ремесло полководца самым естественным образом входило в круг обычных занятий монарха. Иван IV был своего рода исключением среди государей московских. Учителей в воинском деле для него не нашлось.

По разным причинам.

Во-первых, его отец не дожил до времени, когда сын стал взрослым.

Во-вторых, настоящих больших войн во времена его юности Россия просто не вела. То есть, когда Иван Васильевич был маленьким мальчиком, шла так называемая Стародубская война с Великим княжеством Литовским. Без «хозяйской руки» старомосковская служилая аристократия показала необычный способ ведения боевых действий.

Войны великого князя литовского и Москвы при Иване III дважды заканчивались для Литвы значительными территориальными потерями. Василию III удалось свести итог целого ряда тяжелых и кровопролитных кампаний в пользу Московского государства: за ним остался Смоленск. Во всех этих случаях боевые операции российских войск делились на две части: во-первых, набеги на территорию неприятеля, разорение литовских земель, захват добычи; во-вторых, правильные осады вражеских укрепленных пунктов и оборона собственных крепостей. Большие полевые сражения были относительно редки, в основном они оказывались способом защитить города на дальних подступах... Так вот, в московско-литовских войнах до 30-х годов XVI века два упомянутых вида боевых операций присутствовали примерно в равной пропорции. Стародубская же война действий второго типа с русской стороны почти не знала. Служилая аристократия увлеклась грабежом и отгоном скота, не пытаясь вести планомерное наступление на земли Литовской Руси и недостаточно заботясь о защите собственной территории⁷¹. В 1535 году литовские войска сожгли Радогощ и Стародуб, в плен попал стародубский наместник князь Федор Васильевич Телепнев-Оболенский. Позднее литовцами был захвачен Гомель. По «перемирным грамотам», города Любеч и Гомель с волостями перешли под власть великого князя литовского⁷². Пока шла Стародубская война, казанские татары совершали разорительные набеги на нижегородские, вологодские, устюжские и костромские места; попытки организовать им отпор закончились без особого успеха. Казанцев активно поддерживал Крым, и набеги с юга приносили разорение на степные окраины России. За всем этим чувствуется недостаток дисциплинирующей монаршей воли. Впоследствии Иван Васильевич гневно писал о служилых аристократах 1530-х годов: «Они, как подобает изменникам, стали уступать нашему врагу, государю литовскому, наши вотчины, города Радогощ»,

Стародуб, Гомель... если в своей земле некого подучить, чтобы погубили славу родной земли, то вступают в союз с иноплеменниками — лишь бы навсегда погубить землю...»⁷³. Но в те годы ему рановато было выезжать на театр военных действий с полками. А в возрасте двенадцати, четырнадцати, семнадцати лет великому князю негде было учиться военному делу: подходящих походов просто в те годы не случилось. Набеги татар с большим или меньшим успехом отбивали его воеводы⁷⁴.

Летом 1541 года огромная орда крымского хана сделала попытку форсировать Оку и угрожала Москве с юга. «Бояря» с митрополитом решили оставить государя-мальчика в столице, поскольку замосковные города были тогда небезопасны от набега казанцев, а Псков и Новгород — от удара литовцев. Летопись сообщает, что правитель-мальчик принял участие в организации обороны столицы. Впрочем, войско крымцев удалось отбить на Оке, и приготовления к защите Москвы стали ненужными.

Наконец, в середине 40-х годов XVI века произошло очередное обострение отношений с Казанью, вылившееся в трудную затяжную войну. Первые походы на Казань, по всей видимости, не отличались особым размахом. Иван Васильевич в них не участвовал⁷⁵.

В 1547 году он венчался на царство и женился. Через несколько месяцев юный государь начал подготовку к большому походу на Казань, в котором должен был сам принять участие. Однако масштабное зимнее 1547/48 года наступление сорвалось как будто из-за ранней оттепели и таяния льда на реках⁷⁶. Иван Васильевич оставил армию и вернулся в Нижний Новгород, нимало не понюхав порошу. Между тем его воеводы, несмотря на путевые сложности, добрались до столицы Казанского ханства и даже нанесли под ее стенами полное поражение противнику. Возникает предположение, что сам государь не очень-то рвался участвовать в рискованном воинском предприятии.

Через два года он все-таки дошел до Казани, но так и не приступил к штурму. Простояв под городом недолгое время, царь вновь отступил по той же самой причине — из-за оттепели и дождей. Таким образом, для него это были «мирные» походы.

В 1552 году на Казань опять отправились объединенные силы Московского государства, во главе которых должен был встать сам государь. Тогда он был совершенно взрослым по тем временам человеком — 22 года⁷⁷. В соответствии с обычаями XVI столетия монарх в подобном возрасте не считался слишком юным, чтобы возглавлять армии. Более того, Иван Васильевич успел к тому времени дважды побывать во главе московских войск, хотя и не вступил ни разу в сражение с неприятелем. Но из его переписки с князем Андреем Курбским, бежавшим в 1564 году из пределов России и перешедшим на службу к великому князю литовскому, известны странные подробности очередного казанского похода. По всей вероятности, Иван Васильевич не ладил с собственными воеводами, возможно, он даже опасался плена. Позднее, через много лет, царь напишет Курбскому: «Когда мы Божьей волей с крестоносной хоругвью всего православного воинства ради защиты православных христиан двинулись на безбожный народ казанский, и по неизреченному Божьему милосердию одержали победу над этим безбожным народом, и со всем войском невредимые возвращались обратно, что могу сказать о добре, сделанном нам людьми, которых ты называешь мучениками? А вот что: как пленника, посадив на судно, везли с малым числом людей сквозь безбожную и неверную землю! Если бы рука всевышнего не защитила меня, смиренного, наверняка бы я жизни лишился. Вот каково доброжелательство к нам тех людей, о которых ты говоришь, и так они душой за нас жертвуют — хотят выдать нас иноплеменникам!»⁷⁸ Трудно сказать, насколько эти заявления соответствует истине. Тот же Курбский сообщает, что царь сам, под влиянием

«шуринов», решил спешно отплыть из Казани, а конницу отправил крайне неудобной дорогой, из-за чего большинство лошадей пало⁷⁹. Однако царские укоризны наводят на мысли иного рода: в армии во время большого похода государь не является полновластным хозяином и распорядителем. Отчасти это могло происходить от его нулевого опыта в ведении боевых действий, отчасти же — по причине мощного влияния аристократических кланов, видимо истинных хозяев войска. Вызывает определенное недоумение сама необходимость присутствия монарха в войсках, отправленных на Казань. В подавляющем большинстве случаев *государями не рисковали*, когда речь шла о большой и опасной воинской операции против Крыма, ногаев или Казани. Видимо, пленение Василия II и последующий колоссальный выкуп за него многому научили Москву. Тот же Иван III Великий, удачно действовавший против казанцев, сам ни разу не возглавлял армии, выступавшие на восточного соседа. В 1571 году крымцы во главе с ханом Девлет-Гиреем разорили и спалили русскую столицу; в следующем, 1572-м году силы Девлет-Гирея были разгромлены у Молодей, на южных подступах к Москве. Отнюдь не Иван IV оба раза руководил обороной, а его воеводы, хотя, казалось бы, решалась судьба страны. Гибель государя или его пленение, очевидно, рассматривались как худшее зло, даже по сравнению с захватом столицы⁸⁰. Поход 1552 года (да и предыдущие два с его участием), очевидно, мог обойтись без молодого царя, несведущего в тактике крупных соединений. Эта военная операция натолкнулась на упорное сопротивление неприятеля, а движение по вражеской территории происходило в условиях нехватки пищи и воды. Вероятно, фигура государя потребовалась для воодушевления войск. Вряд ли стоит всерьез воспринимать фразу Ивана IV: «...хотят выдать нас иноплеменникам!» — но участие его в походе было, объективно говоря, мерой необязательной и рискованной.

Возникает вопрос: до какой степени победы и поражения русского войска в тех кампаниях, где его возглавлял

Иван IV, могут зависеть от его личного полководческого таланта, воли, отваги? В отношении походов 1547—1548, 1549—1550 годов и «Казанского взятия» 1552 года подобная зависимость должна быть поставлена под сомнение. Реальными командующими были все те же большие воеводы, т.е. та же служилая аристократия⁸¹. Летопись и разряды дают возможность указать людей, сыгравших в «Казанском взятии» решающую роль, занимавших тогда высшие должности и являвшихся, по всей видимости, истинными хозяевами положения. Это прежде всего князя Иван Федорович Мстиславский, Михаил Иванович Воротынский (первый и второй воеводы Большого полка), князь Владимир Иванович Воротынский, Иван Васильевич Шереметев (первые и второй воеводы Государева полка), а также князя Александр Борисович Горбатый и Семен Иванович Микулинский (возглавляли отдельное полевое соединение, действовавшее против татарских отрядов, нависавших над русскими тылами). Помимо них выделяются князя Иван Иванович Пронский, Дмитрий Иванович Хилков, Петр Михайлович Щенятев, Андрей Михайлович Курбский, Василий Семенович Серебряный, Дмитрий Иванович Микулинский. Заметны также князя Юрий Андреевич Пенинский-Оболенский, Федор Иванович Троекуров и Юрий Иванович Шемякин, а также представители влиятельных боярских родов Семен Васильевич Шереметев, Дмитрий Михайлович Плещеев и Даниил Романович Юрьев⁸². Все они занимали в армии высокие воеводские посты, активно участвовали в боевых действиях. Ни один из них не играл сколько-нибудь серьезной роли в Стародубской войне. Зато большинство участвовало в боевых действиях войны с Казанью на значительных должностях (кроме князей Пенинского-Оболенского⁸³, Шемякина, Курбского и Пронского). Все это — верхушка титулованной знати, самые ее сливки, люди весьма богатые и влиятельные⁸⁴. Трудно определить, до какой степени молодой Иван IV был волен отдавать им распоряжения...

С одной стороны, Андрей Курбский в «Истории о великом князе Московском», сочинении крайне недружелюбном в отношении Ивана Васильевича, отмечает личную храбрость и энтузиазм государя: «...сам царь исполнился усердием, сам и по собственному разумению начал вооружаться против врага и собирать многочисленные храбрые войска. Он уже не хотел наслаждаться покоем, жить, затворясь в прекрасных хоробах, как в обыкновении у теперешних царей на западе (прожигать целые ночи, сидя за картами и другими бесовскими измышлениями), но сам поднимался не раз, не щадя своего здоровья, на враждебного и злейшего своего противника — казанского царя». Далее Курбский как будто пишет о полной самостоятельности Ивана Васильевича: «он велел...», «он отправил...». Однако важнейшие решения принимались государем только по совету «со всеми сенаторами и стратегами». И особенно характерный эпизод произошел в день решающего штурма Казани. Московские войска уже проникли в город, но в уличных боях под напором его защитников, некоторые отряды обратились в бегство; государь, по словам Курбского, утратил твердость духа. Видя беглецов, он «...не только лицом изменился, но и сердце у него сокрушилось при мысли, что все войско христианское басурманы изгнали уже из города. Мудрые и опытные его сенаторы, видя это, *распорядились* воздвигнуть большую христианскую хоругвь у городских ворот, называемых Царскими, *и самого царя, взяв за узду коня его, — волей или неволей — у хоругви поставили*: были ведь между теми сенаторами кое-какие мужи в возрасте наших отцов⁸⁵, состарившиеся в добрых делах и в военных предприятиях. И тотчас приказали они примерно половине большого царского полка... сойти с коней, то же приказали они не только детям своим и родственникам, но и самих их половина, сойдя с коней, устремилась в город на помощь усталым... воинам»⁸⁶. Вскоре после взятия Казани у царя произошел острый конфликт с воеводами. В частности, его

скорейшее возвращение в Москву противоречило мнению высшего военного командования.

Насколько свидетельства Курбского находят подтверждение в официальном летописании того времени? Определенные признаки несамостоятельности государя в вопросах руководства армией имеются. Видно, что стратегические решения принимаются им «по совету» с аристократической верхушкой. Так, например, неудача похода 1549—1550 годов заставила Ивана IV построить на подступах к Казани опорный пункт Свияжск. Впоследствии его наличие сильно облегчило жизнь наступающим русским войскам и сыграло, быть может, решающую роль в успехе 1552 года. Так вот, решение о постройке Свияжской крепости и выбор места производились по совету с бывшим казанским царем Шигалеем, «воеводами» и «казанскими князьями», «и с бояры, и со князьями», по благословению митрополита Макария...

Что же в итоге произошло? Картина участия Ивана IV в Казанской войне 1545—1552 годов⁸⁷ реконструируется следующим образом:

1. Государь-мальчик не знает военного дела и не имеет ни малейшего представления о тяготах большой войны. Но он желает попробовать, что это такое. В конце концов, такова его работа: сражаться за православную страну с басурманами всех сортов. До совершеннолетия его стремление вяло (вспомним 1541 год!) сдерживается окружающими.

2. Впоследствии царь бросается в военную стихию и с маху сталкивается с трудными обстоятельствами Казанской войны. Служилая аристократия не препятствует ему: присутствие государя в действующей армии может воодушевить воинов, а в случае его гибели есть достойный наследник престола в виде князя Владимира Андреевича Старицкого... Невероятно сложная, рискованная, кровавая война с Казанским ханством не стала предметом, способным воодушевить юного государя. Видимо, он то исполняется боевого пыла, то падает духом. Свидетельством тому служит скорое воз-

вращение из неоконченного похода 1548 года, припадок робости во время решающего штурма Казани в 1552 году, но в то же время и упорство, с которым Иван IV выходил с полками на Казань. В конечном итоге всё, что требовалось от православного монарха, было им совершено.

3. Отношения между Иваном Васильевичем и его воеводами — далеко не безоблачные. Важнейшие решения принимаются совместно, и, следовательно, царь не является полновластным командующим полевой армией. Вероятно, не столько руководит он, сколько руководят им. Это порождает конфликтные ситуации.

4. Однако в целом результат положительный: колеблющейся воли молодого государя и понимания его воевод, что *дело делать надо*, оказывается достаточно для триумфального «Казанского взятия».

Иван Васильевич прошел тяжелое испытание и узнал вкус победы. Казанские походы надолго закалили волю царя. Пройдет двенадцать лет, прежде чем она вновь начнет давать сбои. Кроме того, Иван Васильевич обрел тот бесценный опыт, которого ему так не хватало. По ходу последнего противоборства с казанцами он получил представление о самых разных типах боевых операций. Сконцентрированные для решающего удара вооруженные силы Московского государства двигались к Казани через Коломну, Муром, Свияжск, но по дороге им пришлось завернуть в Тулу, чтобы отразить фланговый удар крымцев. Это был наглядный урок, насколько опасен союз Крымского ханства с кем-либо из серьезных противников Москвы. Осадив неприятельскую столицу, русские полки широко использовали артиллерию и военных инженеров — «розмыслов», как их тогда называли⁸⁸. Были построены осадные башни, сооружены земляные укрепления, засыпаны казанские рвы, осуществлялись подкопы и был взорван вражеский источник воды. В конечном итоге именно подрыв стен Казани обеспечил удачу решающего штурма. Позднее Иван

Васильевич покажет, сколь успешно он усвоил урок: без мощной артиллерии, «розмыслов» и многолюдной посохи⁸⁹ крупные, хорошо укрепленные города не берутся... его отец Василий III умел при захвате городов «заболтать» или купить защитников. Иван IV знал, что такие методы иной раз оказываются эффективнее орудийных залпов. Впрочем, ему впоследствии отлично удавалось брать мощные крепости силой. Не серебром и не посулами, а с помощью пороха и ядер. Наконец, русским полкам, осаждавшим Казань, извне угрожали мобильные отряды, наносившие страшный урон внезапными ударами. Пока князя Александр Борисович Горбатый и Семен Иванович Микулинский не разбили их, дела не пошли на лад. Урок номер три: осаждающие войска должны быть избавлены от назойливой активности деблокирующего корпуса.

Государь ничего не забыл из казанских уроков, полученных дорогой ценой...

Более поздние военные кампании проходили в совершенно иных условиях, там царь явно не был номинальным предводителем войска. Воеводы обязаны были ему подчиняться в полной мере. И у него хватало возможностей применить полученный опыт на деле.

В 1555 году Иван Васильевич вышел с войсками к Туле, навстречу воеводе боярину Ивану Васильевичу Шереметеву, столкнувшемуся с крымцами. Царя отговаривали от столь опасного шага, но он решил возглавить войско. Шереметев задержал хана, вступив с ним в сражение, отчаянно сопротивлялся, однако был разбит. Часть наших сил заняла укрепленную позицию и отбила яростные атаки татар, не позволив себя уничтожить. Измотанное вражеское войско не решилось вступать в бой с основными силами русских. В свою очередь, полки под водительством государя не стали преследовать отступающего неприятеля. Таким образом, Иван IV показал подданным: у него хватает мужества и воли выйти против самого опасного врага, иными словами, «за

державу» он «стоятелен»... Вместе с тем всерьез рисковать удачным исходом противостояния царь не стал, отказавшись от преследования⁹⁰. Это может показаться признаком нерешительности. Но на самом деле Иван Васильевич принял мудрое, взвешенное решение. Оторвавшись от коренных земель Руси, наше полевое соединение могло наткнуться на свежие отряды крымцев и подвергнуться уничтожению. Разгром московского войска в южных степях означал бы одно: столица осталась без защиты и без монарха. Как при Батые...

Есть вещи поважнее репутации.

Та же история повторилась через год. В мае 1556-го, узнав, что крымские татары готовят поход на Русь, Иван IV двинул полки к Серпухову. Готовность русских войск к отпору и моровое поветрие, поразившее Крым, предотвратили очередное нашествие. А Иван Васильевич вновь показал твердость.

С 1556 года в военной деятельности государя наступил долгий перерыв. Он решал стратегические проблемы, сидя в Москве, и не участвовал в походах на протяжении семи лет. И в кратком, но жестоком столкновении со шведами, и даже когда началась исключительно важная для царя и всей страны война в Ливонии (1558), Иван Васильевич доверял ведение боевых действий воеводам.

В середине 50-х годов решалось, какое направление военных усилий должно стать основным: Ливония или Крым. Царь должен был сделать стратегический выбор.

Казалось бы, тяжелое положение Крымского ханства (подданные хана страшно пострадали от массовой эпидемии) и ряд частных успехов русского оружия давали уникальную возможность одним мощным ударом ликвидировать угрозу набегов с юга. Речь шла ни много ни мало об уничтожении ханства. Это избавило бы русские земли от чудовищных потерь. В худшие годы татарский набег мог нанести стране урон в десятки тысяч угнанных⁹¹. Горели

города, русские окраины теряли нажитое имущество, скот. Плодородная земля Дикого поля не осваивалась, между тем в центральных районах Московского государства ощущался настоящий земельный голод. Кроме того, с исчезновением южной угрозы военно-служилое сословие оказалось бы избавленным от тяжелой и опасной службы «на берегу» (как писали в документах того времени), т.е. на степных рубежах государства, по линии Оки. Там военное командование постоянно держало мощные гарнизоны, работала система оповещения об очередном набеге, русские войска должны были то и дело выходить на юг и становиться заслоном на пути захватчиков. Кровавая, изматывающая военная работа страшным грузом лежала на «служилых людях по отечеству». Дворянство несло значительные потери, в том числе и его аристократическая верхушка. Разгром Крымского ханства, казалось бы, столь близкий и столь желанный, устроил бы многих и был бы очень полезен стране. Наконец, многие аристократические семейства были кривно заинтересованы в южном направлении. Вот что пишет по этому поводу известный исследователь XVI столетия П.А. Садиков: «...князьё и боярство явно предпочитали... вести наступление на юг, в сторону Крыма, где на Диком поле открывались широкие перспективы к освоению больших черноземных участков и где у некоторых из них (кн. Мстиславского, боярина И.В. Шереметева) имелись уже целые “городки” с вооруженными отрядами и огромные вотчины; да и старинные, бывшие когда-то “удельными” владения массы княжат расположены были к югу от Москвы, в “заоцких” и “украинных” уездах, постоянно находившихся под угрозой набегов крымцев»². Целый регион России жил из года в год на краю беды. По нему проходила цивилизационная граница между крестом и полумесяцем. Передвижение ее «на полдень» происходило невероятно медленно, и каждый год мог принести резкое отступление сил креста «на полночь».

Но Иван IV предпочел иное направление для приложения военных усилий — Ливонию. Историки, стоящие на

позициях западничества, нередко упрекали его в «исторической ошибке»: не стоило воевать с Европой, надо было дружить с ней, а нажать следовало на Крым, тем более страна остро нуждалась в решении этой проблемы. В подтексте читается: ах, почему мы так варварски набросились на европейцев! Они обиделись... Последней в этом духе писала А.Л. Хорошкевич, сетуя, что не суждено было Ивану Грозному «...вывести Российское царство на путь интеграции в Европе Нового времени»⁹³. Исследовательница не задумывается над вопросом: а нужна ли была нам в XVI веке интеграция в Европу? Да и в какую Европу? Ни о какой единой Европе для XVI столетия и речи быть не может. Во всяком случае, Европарламента тогда точно не существовало, а интегрироваться в Ливонский орден было бы немного странно...

В советское время этот шаг Ивана Васильевича склонны были оправдывать следующим образом: России требовался выход к морю, к балтийской торговле, а когда удалось на завоеванных землях наладить так называемое нарвское плавание, то есть использовать порт города Нарвы в качестве ключа к масштабной торговле со всей Европой, от этого вышла большая польза государству. И, кстати, если до того западные соседи имели склонность не допускать на территорию России европейских специалистов военного-технического профиля, а также некоторые виды товаров, то «нарвское плавание» решило все проблемы подобного рода.

Это, конечно, серьезный аргумент. Но... неизвестно, насколько Иван IV принимал в расчет торговый аспект завоеваний в Ливонии. Ни один источник не содержит сведений об этом, остается строить гипотезы⁹⁴. Более того, у Московского государства был выход на Балтику. Например, то же устье Невы. Его Россия потеряет лишь после тяжелой борьбы на протяжении Смуты начала XVII века и вернет ценой огромных усилий через сто лет. Если бы речь шла о расширении товарообмена с Европой, там всего-навсего

требовалось построить город-порт, чем спустя полтора века и занялся Петр I...»⁹⁵ Незадолго до начала Ливонской войны у Ивангорода, стоящего, как и Нарва, на реке Нарове, русские стали возводить портовые сооружения. Но портовое строительство ничуть не предотвратило боевые действия.

Как раз в середине 1550-х годов Россия установила дипломатические отношения с Английской короной: англичане открыли торговый маршрут вокруг Скандинавского полуострова, ставший впоследствии весьма оживленным. Держава могла невозбранно пользоваться северным мореходным путем.

Наконец, судя по переписке Ивана Васильевича с Елизаветой I, русский царь вообще считал купеческие дела второстепенными...

Так что прямой необходимости воевать в Ливонии по причинам торгового плана у Московского государства не было.

Зато были другие, и достаточно серьезные причины.

Во-первых, сколь бы ни было соблазнительно прикончить крымскую силу раз и навсегда, но уж слишком этот проект напоминает военно-политическую авантюру. Замечательный российский историк С.Ф. Платонов высказался по данному поводу с исчерпывающей ясностью: «Отказываясь “подвигнуться” против Крыма сам “с великим войском”, Грозный был, несомненно, прав. Хотя Курбский обругал его советников, отвративших будто бы царя от Крымской войны, “ласкателями” и “товарищами трапез и кубков”, однако эти ласкатели — если вина на них — были на этот раз умнее “мужей храбрых и мужественных”, толкавших Грозного на рискованное, даже безнадежное дело»⁹⁶. Крым не раз впоследствии попадал в неприятное положение, однако окончательно сбросить эту фигуру с шахматной доски большой политики смогла лишь необъятная Российская империя времен Екатерины II — государство с ресурсами и военной мощью на порядок выше, чем у Московии гроз-

ненской эпохи. Наша страна неоднократно сталкивалась с Крымом, но всякий раз русской военной мощи не хватало для решительной победы — и в XVII столетии, и в XVIII... Только при Потемкине и Суворове, в «век золотой Екатерины», это наконец удалось. Борясь на уничтожение с Крымом, даже ослабленным эпидемией, Россия эпохи Грозного многим рисковала. Можно было перенести мор в ряды русской армии, а там и в русскую столицу. Можно было положить лучшие полки вдалеке от русских границ, в голодных степях. Можно было в конце концов увязнуть в противостоянии с политическим патроном Крымского ханства — Османской империей (так оно и произойдет во второй половине XVII — начале XVIII столетия).

Во-вторых, Ливония, истерзанная междоусобиями, разделенная между несколькими слабыми государственными образованиями, была несравненно менее опасным противником, нежели агрессивный Крым. Первые несколько лет Ливонской войны показали это наглядно.

В-третьих, балтийские государства располагали значительным фондом издавна обрабатываемых земель, притом земель *с крестьянами*. Ни Казань, ни Крым ничего подобного предложить не могли: там устойчивых очагов землепашества не имелось. А освоение целинных земель требовало переселения на «голые» места крестьянства; только откуда его взять? Особенно если учесть, что сажать его на землю придется в полосе постоянных бунтов и военных действий, чуть ли не на верную смерть, а потери придется вновь и вновь возмещать очередными «вливаниями»... Нет, «подрайская» земляца Казани и Дикого поля на первых порах для российского дворянства оказалась совершенно бесполезной. Ливония — другое дело. Между тем небогатые и воинственные «служилые люди по отечеству» давно испытывали недостаток доброй помещной землицы⁹⁷. Реальные «дачи»⁹⁸ заметно уступали положенным им земельным «окладам». «Городовые» и «выборные» дети боярские со-

ставляли основу вооруженных сил, самую надежную опору трона. Ведение войны в их интересах соответствует интересам самого государя⁹⁹.

Наконец, в-четвертых, на территории Прибалтики и Литовской Руси кипела борьба католиков с протестантами, причем среди протестантов попадались, помимо умеренных лютеран, антитринитарии самого отчаянного пошиба¹⁰⁰. Русские еретики (например, Феодосий Косой) бежали не в Крым, а на запад... Волны Реформации, подкатывающие к самым стенам России — страны-крепости, — тревожили правительство и Церковь¹⁰¹. Позиции православия западнее «литовского рубежа» подверглись мощному прессингу. В ближайшем будущем «конфессиональный натиск» мог стать серьезной опасностью и для самого Русского царства.

Таким образом, решение Ивана Васильевича о начале военных действий в Ливонии имело под собой серьезные основания. Это не каприз деспота, а продуманная, логически объяснимая стратегия.

Итак, в 1558 году московские воеводы вошли с полками на Ливонские земли. Сам Иван Васильевич вплоть до зимнего 1562/63 года похода на Полоцк в боевых действиях не участвовал. Как и прежде, он вполне доверял представителям княжеско-боярской знати высшие военные должности.

Очень редко воеводами в городах и еще того реже — командирами в полках действующей армии назначались люди... не то чтобы совсем «худородные», но хотя бы на два уровня ниже высшей аристократии, «казанских сливок». На задворках время от времени мелькают Роман Алферьев, да Осип Полев, да Андрей Яхонтов, да кое-кто из Вяземских, по роду своему стоявшие невысоко. За государем остается принятие «генеральных», наиболее важных решений. До 1562 года события на Ливонском театре военных действий развиваются в основном благоприятно для Московского государства.

Ливонский орден разрушен, его войска разгромлены по частям, российские воеводы заняли Нарву, Юрьев, Феллин, Мариенбург и целый ряд других городов. В 1560—1561 годах заинтересованность в дележе «ливонского наследства» проявили Дания, Швеция и Польско-Литовское государство. Открытое противостояние с литовскими силами принесло русским воеводам частные успехи под Перновым и Тарвастом. Но в 1562 году российские полки потерпели поражение у Невеля, причем возглавлял тогда войско не кто иной, как сам князь А.М. Курбский, вследствие этой неудачи лишившийся царского благоволения.

Иван IV принимает решение нанести сокрушительный удар объединенными силами Московского государства. Так сказать, произвести демонстрацию русской военной мощи.

Эта военная операция оказалась самой крупной и самой удачной в карьере полководца Ивана Грозного.

По всей видимости, отношения политического компромисса между царем и верхушкой служилой аристократии сохраняются на протяжении как минимум всего десятилетия — с начала 1550-х¹⁰². Причем самостоятельность Ивана Васильевича растет, и боярско-княжеская испытывает на себе растущее давление. Косвенным, но серьезным свидетельством этого являются сведения о побегах русских аристократов и переходе их на службу к великому князю литовскому. Один из таких беглецов объяснял свое желание переменить государя так: по его мнению, Иван Васильевич «бесчестит» «великие рода», приближая к себе худородных («молодых») людей. В трудах историков общим местом является датировка острого конфликта между царем и знатью — конец 50-х — начало 60-х годов. Но уточняется эта широкая хронологическая полоса по-разному. В данном случае важно следующее обстоятельство: два удавшихся побега значительных людей Московского государства приходятся на 1562 и 1564 годы (окольный Богдан Никитич

Хлызнев-Колычев и князь Андрей Михайлович Курбский). Притом Курбский принадлежал к Ярославскому княжескому дому и стоял в аристократической иерархии России весьма высоко; кроме того, он был одним из опытных воевод, участвовал в крупных кампаниях на высоких постах, знал стратегические планы русского командования... Попытки сбежать совершали князья И.Д. Бельский, а также Д.И. Курлятев. Опалы сыпались направо и налево. Так, оказался в опале и был отправлен в ссылку князь М.И. Воротынский, являвшийся одним из главных козырей в колоде высшего командования России, полководец умный и отважный. Казнь постигла родню А.Ф. Адашева, занимавшего важные воеводские должности и умершего в 1560 году.

В чисто военном отношении это означает следующее: царь берет бразды правления на себя, понемногу оттесняя «сливки» военно-служилого сословия от руля управления страной и армией, делает это жестко, не щадит родовитых и заслуженных людей. В Невеле им был собственноручно убит князь Иван Шаховской — возможно, в связи с изменным делом Хлызнева-Колычева... Следовательно, во время зимнего похода 1562/63 года Иван Васильевич является уже полновластным командующим. Удачи и просчеты, таким образом, следует относить к его способностям и его воле. «Коллективный разум» тут уже не при чем¹⁰³.

Время наступления и точка приложения усилий были выбраны исключительно удачно. В силу политических обстоятельств литовцы не имели возможности собрать значительные силы. Небольшой корпус (около двух с половиной тысяч человек) во главе с гетманами Н. Радзивиллом и Г. Ходкевичем оперировал на значительном расстоянии от русских полков, опасаясь вступать с ними в битву. Он мог только оттягивать на себя часть сил с направления главного удара да устраивать стычки с нашими разъездами... Таким образом, один из главных уроков казанской кампании был государем отлично усвоен.

Основной удар пришелся на Полоцк. При Василии III московские воеводы пытались взять его как минимум четырежды. Этот город представлял собой стратегически важный пункт по целому ряду причин. Полоцк был богат, многолюден, имел большой посад и «стягивал» значительное количество пахотной земли. На протяжении XVI века он являлся крупнейшим городом на территории современной Белоруссии, а потому представлял собой выгоднейшее приобретение. Полоцк нависал над левым флангом русской воинской группировки в Ливонии. Он также был отличным плацдармом для наступления на Вильно — столицу Великого княжества Литовского. Еще в XIV веке Полоцк являлся столицей крупного самостоятельного княжества, а в XV веке на несколько лет оказался центром мощного, хотя и эфемерного политического образования «Великое княжество Русское»¹⁰⁴. Как заметила А.А. Хорошкевич, вся Ливонская война велась «...под лозунгом овладения наследием, якобы оставленным Августом-кесарем своему далекому потомку Рюриковичу»¹⁰⁵. Иван IV считал Ливонию, и тем более западнорусские земли по праву своим владением, неправомерно отторгнутым соседями. И древняя слава Полоцка, центра важного княжения, как нельзя более привлекала царя с этой точки зрения. Кроме того, Полоцк оказался одним из центров распространения Реформации на землях Литовской Руси. Здесь в конце 50-х — начале 60-х годов возник кальвинистский сбор, разогнанный после прихода московских войск. Здесь же проповедничал русский еретик-феодосианин Фома, ставший протестантом¹⁰⁶. Рассадник ереси — а именно так воспринимали в Москве XVI столетия любые виды протестантизма, — у самых русских границ вызывал озабоченность у Церкви и государства¹⁰⁷.

Трудно выбрать пункт, более подходящий для генерального наступления!

Подготовка к походу началась как минимум в сентябре 1562 года. По своему масштабу это военное мероприятие

было грандиозным. Оно едва ли уступало «Казанскому взятию» 1552 года и требовало тщательной организации. Поздней осенью отдельные отряды двинулись к месту общего сбора из 18 населенных пунктов: Москвы, Калуги, Можайска, Ярославца, Кременска, Вереи, Вышгорода, Боровска, Рузы, Звенигорода, Волока, Погорелого городища, Зубцова, Ржева, Холма, Молвятиц, Пскова и Вязьмы. Всего, по разным источникам, общая численность полевого соединения составляла как минимум 130 000 человек¹⁰⁸. Из них 30 000—35 000 человек дворянского ополчения, 12 000—20 000 стрельцов и не менее 80 000 посохи. Артиллерия («наряд») насчитывала около двухсот орудий разных типов. Вообще, этот род войск был предметом особых забот царя Ивана IV. На пушки не жалели средств, пушкарей натаскивали, устаивая учебные стрельбы. Один английский дипломат оставил рассказ об искусных действиях русских артиллеристов, разбивавших во время подобных «учений» фигуры изо льда... С русскими войсками отправились в поход итальянские военные инженеры. Рать в назначенный день (5 января 1563 года) собралась в Великих Луках и стояла там четверо суток. Удивительно, насколько отлаженной была военная машина Московского государства в первые годы Ливонской войны! В организационном смысле она представляла собой настоящее совершенство. Историк Р.Ю. Виппер в восхищении пишет: «В механизме военной монархии все колеса, рычаги и приводы действовали точно и отчетливо, оправдывали намерения организаторов...»¹⁰⁹ На первом этапе похода Ивану Васильевичу удалось сконцентрировать в приграничной области колоссальные силы. Как свидетельствуют источники, для польско-литовского командования это стало неприятной неожиданностью.

На пути от Великих Лук к Полоцку русская армия была обнаружена литовцами, однако времени для подготовки к осаде у них оставалось совсем немного. Даже если учесть низкую скорость движения наших полков, «заторы» и «мот-

чание» из-за худо налаженного взаимодействия частей на марше, неприятель все-таки не успевал как следует подготовиться к отражению российского удара с востока...

Так или иначе, 30 января 1563 года армия московского государя подходит к городу, а на следующий день начинается расстановка полков.

Городской гарнизон составлял, видимо, 1000 — 2000 бойцов, но они располагали мощным артиллерийским арсеналом. Особую стойкость придавал обороне отряд поляков, настроенных защищаться до последней крайности. К тому же Полоцк славился своими укреплениями. Взятие города представляло собой трудную задачу.

С первого же дня осады московские ратники обстреливали противника из пищалей и легких пушек. Стрелецкий отряд приступом захватил одну из башен, но впоследствии то ли получил приказ отступить, то ли был отброшен контрударом — летопись не дает ясности. Через неделю под город прибыли тяжелые осадные орудия. Их залпы произвели на полоцкие стены и башни сокрушительное воздействие. Один из очевидцев осады впоследствии с ужасом рассказывал: гром от московских пушек стоял такой, будто небо и земля обрушились на город. Летопись рассказывает: «якоже от многого пушечного и пищального стреляния земле дрогати и в царевых великого князя полках, бе бо ядра у больших пушек по двадцати пуд, а у иных пушек немногим того легче...»¹¹⁰. Сила артиллерийского удара увеличивалась малой дистанцией от орудийных жерл до цели. Полоцкий воевода С. Довойна подпустил московский наряд под самые стены. Случилось это так: с первого дня осады русские полки занялись интенсивными инженерными работами — они сооружали деревянные щиты и «туры» (передвижные деревянные каркасы, заполненные мешками с песком). Эти самые туры постепенно пододвигались к стенам, а под их прикрытием шла пехота и подтягивался «наряд». Довойна попытался отвлечь внимание московского командования

переговорами, надеясь, по всей видимости, на помощь деблокирующего корпуса, собранного Н. Радзивиллом. Но вышло только хуже для него самого: пока представители обеих сторон пытались прийти к соглашению, взаимный огонь не велся... и русские беспрепятственно подтаскивали туры. Когда переговоры сорвались, туры стояли у самых стен. Таким образом, осадные орудия били по городу в упор.

Стены полоцкого посада перестали быть преградой для русских войск. Гарнизон нес серьезные потери. В результате воевода велел посад сжечь, а гарнизону отойти в Верхний замок — городскую цитадель. Задержавшиеся поляки были, по образному выражению летописи, «вбиты» в Замок атакой русских отрядов князей Дмитрия Хворостинина и Дмитрия Овчинина.

Переговоры со стороны Иван Васильевича были двойной уловкой. Ему удалось не только придвинуть туры поближе к неприятелю, но и смутить умы полочан. В городе имелась партия доброжелателей Москвы (например, православное духовенство). В далеком 1514 году Василий III получил в свои руки Смоленск отчасти потому, что в городе многие склонялись к переходу под руку Москвы, и это обстоятельство удалось с выгодой использовать. Горожане, вышедшие из горящего полоцкого посада в расположение московских войск, оправдали ожидания царя. Они не могли открыть ему ворота или помочь в штурме Замка. Но русским воеводам были показаны секретные лесные ямы со значительным запасом продовольствия...

Осадные орудия встали на пожарище, передвинулись туда и туры. 11—14 февраля московский «наряд» возобновил разрушительную работу на новых позициях. Ядра разбивали замковую стену, достигая противоположной стены, защитники Замка несли от них жестокий урон. Русские артиллеристы использовали зажигательные снаряды (то ли раскаленные ядра, то ли сосуды со специальной смесью). В замке запылали пожары.

Таким образом, казанский урок по части инженерного дела и артиллерии также был отлично усвоен государем...

Пушки били без перерыва на протяжении нескольких суток. Московские ядра уничтожили 20 процентов замковых стен, превратив их в подобие стариковской челюсти с выпавшими зубами... Гарнизон оказался принужден одновременно защищать замок, чинить стены и тушить пожары. Довойна устроил отчаянную вылазку, но наши ее отбили. За всю осаду русская армия потеряла менее ста бойцов, хотя защитники и нападающие как минимум трижды вступали в рукопашный бой. По тем временам это были ничтожные потери. Таким образом, положение обороняющихся стало безнадежным, в то время как московские полки, понеся лишь незначительные потери, готовились к решающему штурму. Его начало планировали на 15 февраля.

Но в этот день полоцкий воевода утратил твердость духа. Он сдал городское знамя и отправил епископа со священниками за ворота, чтобы те уговорили Ивана IV начать переговоры о сдаче замка. Царь захотел вести их только с самим Довойной, и тот отправился в русский стан, где смог выторговать лишь одно условие: жизнь. Уже после сдачи, по некоторым источникам, поляки попытались наперекор достигнутому соглашению организовать оборону. Однако и они в конце концов оставили позиции, когда царь пообещал отпустить их, беспрепятственно проведя со всем имуществом сквозь ряды московских полков. Обещание русская сторона впоследствии добросовестно выполнила.

Великий град Полоцк пал к ногам Ивана Васильевича. В городе была взята богатая добыча¹¹¹. Он на шестнадцать лет стал частью Московского государства. Иван IV добавил к своему титулу слова «...великий князь полоцкий». Государь оставил там значительный русский гарнизон во главе с воеводами-ветеранами — князьями П.И. Шуйским, П.С. Серебряным и В.С. Серебряным, повелев возвести новые, более мощные укрепления. Полоцкая шляхта, а потом

и мещане отправились под охраной в Москву. Впоследствии часть полоцких шляхтичей обменяли на русских пленников, другую же часть отдали за выкуп — обычная для войн того времени практика.

Взятие Полоцка стало величайшим успехом русского оружия за всю Ливонскую войну, пиком военных достижений России на протяжении XVI века и к тому же личным триумфом Ивана IV. Лебедевская летопись, служащая основным источником по истории «Полоцкого взятия», в этом месте представляет собой запись очевидца. По всей видимости, «заготовку» для летописного текста готовил участник событий¹¹². Так вот, Иван Васильевич представлен здесь как абсолютно самостоятельный в своих решениях полководец, полновластный хозяин армии, к тому же смелый человек, попадавший во время полоцкой кампании в рискованные ситуации, но не терявший присутствия духа. Со времен Казани многое изменилось...

Иван Васильевич отправил было татар в направлении Вильно — развивать успех «Полоцкого взятия», однако боевые действия вскоре прекратились: литовцы запросили перемирия и получили его¹¹³. Для Великого княжества Литовского падение Полоцка было как гром с ясного неба. В долгосрочной перспективе оно инициировало процесс политического сближения Польши и Литвы, закончившийся их объединением в 1569 году. А в краткосрочной — польский король Сигизмунд II Август вынужден был пойти на уступки литовско-белорусской православной шляхте, уравнивая ее в правах со шляхтой католической (жалованная грамота от 7 июля 1563 года). В этом акте видно стремление сплотить все наличные силы для дальнейшей борьбы с Московским государством. Известия об успехе Ивана IV прокатились по половине Европы, вызывая тревогу. Наоборот, в России полоцкую победу долго помнили и гордились ею. Известия об успехе 1563 года вошли во многие летописи, в том числе и краткие летописцы.

Однако Иван IV недолго радовался своему большому успеху. 1564 год крепко подпортил впечатление и от Полоцка, и от всей войны, начавшейся столь удачно.

Русский корпус, двинувшийся в пределы Литовской Руси, был разбит на реке Уле (январь 1564 года). Разгром вышел ужасный, потери оказались очень велики. Среди главных воевод были князь Петр Иванович Шуйский и боярин Иван Васильевич Шереметев — опытные, заслуженные, доверенные люди. Но на этот раз они явно оплошали и покрыли свое имя позором; сам Шуйский погиб. Воевод Захария Ивановича Очина-Плещеева и князя Ивана Петровича Охлябинина литовцы пленили. Московской армии враг нанес значительный урон: судя по летописи, одних только детей боярских легло около 150 человек...¹¹⁴

В апреле того же года сбежал в Литву князь Андрей Михайлович Курбский. Впоследствии он участвовал как один из командиров в литовских походах против Московского государства, и первый раз это произошло всего через несколько месяцев после его побега. В том же году воевод стародубских заподозрили в сговоре с целью передать город великому князю литовскому; дело кончилось для них казнями¹¹⁵. Литовские войска вторгались на собственно русские территории. Осенью крымцы совершили опустошительный набег на рязанские земли.

Русская армия не потеряла ни способности к обороне занятых ею территорий, ни способности дальше вести активные боевые действия в поле. И другой московский экспедиционный корпус достиг в ноябре успеха, хоть и незначительного: его поход против литовцев закончился взятием Озерища. Однако впечатление от предыдущих бед, особенно от страшной резни на Уле, было ошеломляющим. К тому же потери в людях вряд ли позволяли теперь собирать столь же мощные соединения, как во время полоцкого похода. А поход на Минск, Новогрудок, Ревель и уж тем более на Вильно требовал очень значительных сил...

Конфликт между царем и служилой аристократией, очевидно, нарастает, до взрыва уже недалеко. В том же злополучном 1564-м гибнут либо по повелению, либо непосредственно от рук царя князь Михаил Петрович Репнин, Юрий Иванович Кашин и Дмитрий Федорович Оболенский-Овчинин. Первый и второй из них — участники нескольких удачных кампаний, опытные воеводы.

В декабре Иван Васильевич отправляется в поход к Троице, а затем к Александровской слободе, — поход, закончившийся учреждением опричнины.

Трудно отделаться от впечатления, что именно военные неудачи, особенно после успеха, совершенного русскими полками под командой самого царя, привели Ивана Васильевича к мысли о необходимости этого странного учреждения. Последние полстолетия причину начала опричнины ищут в социально-экономической и социально-политической сферах. Но, по всей вероятности, преобладающим фактором был все-таки сбой военной машины Московского государства, заставивший царя почувствовать всю шаткость своего положения. Со времен казанских походов Иван IV находился в состоянии вынужденного компромисса со служилой аристократией, поставившей основные кадры командного состава и значительную часть войск. Несколько десятков человек являлись ядром начальствующего состава русской армии с середины 40-х по середину 60-х годов XVI столетия. Заменить их было нечем, поскольку иного сословия, по организационному и тактическому опыту равного служилой аристократии, просто не существовало. Иван Васильевич не жаловал высшую знать, особенно — гордых «княжат», и отлично помнил те времена, когда высокородные кланы фактически правили страной через голову юного, «игрушечного» монарха. Но обойтись без служилой знати никак не мог. Аристократические семейства, в свою очередь, не симпатизировали растущему самовластию царя, но отнюдь не планировали изменить государственный строй России.

Таким образом, обе стороны поддерживали «худой мир». Он продержался до тех пор, пока не перестал удовлетворять и царя, и княжат. Аристократическая верхушка, не вынося давления центральной власти, принялась «перетекать» в стан противника; но это полбеда: аристократия московская регулярно бегала от царской опалы на литовский рубеж, чаще всего попадалась и каялась; некоторые ее представители даже успели повоевать на стороне врага, как, например, было с князем С.Ф. Бельским и окольниковым И.В. Ляцким, ушедшими из московских пределов в 1534 году. Попытки перехода — как удачные, так и неудачные — стали привычным делом, вряд ли они могли привести к катастрофическим последствиям. При Иване IV бегать стали чаще, чем при Василии III или при Елене Глинской. Но хуже другое: аристократия перестала быть надежным орудием решения военных задач. Невель, Ула и разор рязанских земель показали: высшее командование не справляется со своими обязанностями, оно не эффективно. Следовательно, для продолжения войны требуются перемены.

Это ведь XVI столетие, а не XXI! Слабая армия любой державе того времени приносила скорый крах. Московское государство с 1492 года без конца воевало с литовцами, а непримиримую, страшную войну с татарами и вовсе унаследовало от далеких предков. Игры с перераспределением земельной собственности и изменениями в структуре высшей политической власти не должны заслонять простого факта: зазевайся воеводы, годовавшие на «берегу», прояви они недостаток боевого духа, и всему русскому расцвету можно было бы заказывать гроб да могильную плиту. В XVI столетии наша цивилизация во всем ее великолепии висела на волоске, порой этот волосок истончался почти до невидимости, а пару раз не порвался только из-за великой любви Господней к нашей многострадальной земле... Следовательно, вялая верхушка военно-служилого сословия не нужна была никому. Слабость выглядела хуже измены и опаснее самовольства.

Собственно, военный или — шире — внешнеполитический фактор считали главным из всех, что повлияли на учреждение опричнины, разные историки. Данная точка зрения не является чем-то абсолютно новым. Высказывались в этом смысле Р.Ю. Виппер, К.В. Базилевич, И.И. Полосин, П.А. Садиков и (более сдержанно) А.А. Хорошкевич. Имелись идеи в этом ключе и у Р.Г. Скрынникова. Виппер, в частности, писал: «Опричнина отражает взгляд на служилое сословие, в силу которого оно должно явиться вполне послушным орудием центра; порядки, заведенные с 1564 года, составляют верх напряжения военно-монархического устройства... То обстоятельство, что реформа совершалась во время трудной войны, что она осложнялась столкновением с княжатами... придало ей характер судорожно-резкий. Но не в террористических мерах Грозного заключалась сущность перемен. Рабская надвведением нового военного строя, реформатор не имел покоя и простора. Преобразование было задумано как орудие для устранения опасных людей и для использования бездеятельных в интересах государства, а сопротивление недовольных превращало самую реформу в боевое средство для их уничтожения, и вследствие этого преобразование становилось внутренней войной»¹¹⁶. П.А. Садиков так характеризует обстановку осени 1564 года, предшествующую опричнине: «Известия, полученные царем Иваном о настроениях поместной служилой массы, были весьма неудовлетворительны: дворянское ополчение не тронулось с места даже в минуты грозной опасности; боярское командование действовало очень вяло, стратегически неоправданно, и средние и мелкие феодалы явно не склонны были долее терпеть господство “ленивых богатин” и из-за них подвергаться смертельной опасности, предпочитая лучше отсиживаться дома, в родных углах. Надо было предпринять, очевидно, немедленные и решительные меры»¹¹⁷.

Чем была опричнина в военном отношении? Ведь именно военные причины заставили царя ввести ее и, следовательно-

но, в этой сфере следовало ожидать значительных изменений.

Так и было. Прежде всего, произошел «перебор» основного состава высших воевод. Показательна расстановка на воеводские должности в действующей полевой армии. Беглый князь Андрей Михайлович Курбский в «Истории о великом князе Московском» писал: «Убиты им (Иваном IV. — Д.В.) многие стратеги или командиры, люди храбрые и искусные в военном деле...» В первом послании к Ивану Васильевичу он вопрошает: «Зачем, царь, сильных во Израиле истребил, и воевод, дарованных тебе Богом для борьбы с врагами, различным казням предал, и святую кровь их победоносную в церквах Божьих пролил... Не они ли разгромили прегордые царства и обратили их в покорные тебе во всем, а у них же прежде в рабстве были предки наши? Не отданы ли тебе Богом крепости немецкие благодаря мудрости их? За это ли нам, несчастным, воздал, истребляя нас и со всеми близкими нашими?» В третьем послании та же тема выражена предельно ясно и концентрированно: «Лютость твоей власти погубила... многих воевод и полководцев, благородных и знатных, и прославленных делами и мудростью, с молодых ногтей искушенных в военном деле и в руководстве войсками, и всем ведомых мужей — все, что есть лучшее и надежнейшее в битвах для победы над врагами, — ты предал различным казням и целыми семьями погубил без суда и без повода... И, погрязнув в подобных злодеяниях и кровопролитии, посылаешь на чужие стены и под стены чужих крепостей великую армию христианскую без опытных и всем ведомых полководцев, не имеющую к тому же мудрого и храброго предводителя или гетмана великого, что бывает для войска особенно губительно и мору подобно, то есть, короче говоря, — без людей идешь, с овцами и с зайцами, не имеющими доброго пастыря и страшщимися даже гонимого ветром листика, как и в прежнем послании я писал тебе о каликах твоих, которых ты бес-

стыдно пытаешься превратить в воеводишек взамен тех храбрых и достойных мужей, которые истреблены и изгнаны тобою»¹¹⁸. Таким образом, опальный князь обвиняет царя в том, что тот, истребив командирский корпус, фактически лишил армию лучших воевод.

А значит, остается добавить, и боеспособности.

Следует проанализировать, кого понимает Курбский под именем «храбрых и достойных мужей», а кого воспринимает как бездарных в военном отношении бродяг. А поняв это, проверить, таково ли было на самом деле положение командного состава грозненской армии. Если же все было именно так, придется заняться проверкой иного рода: действительно ли худародные «калики» проявили неспособность к военным делам, или им удавалось справляться с обязанностями аристократической верхушки, не роняя боеспособности войск.

Что касается первого вопроса, то ответ на него не вызывает особых проблем. Сам же Андрей Михайлович поместил в «Истории о великом князе Московском» список казненных аристократов, отметив, в частности, кто из них славился как талантливый полководец или хотя бы имел опыт и авторитет в военном деле.

Вот реестр Курбского¹¹⁹:

Алексей Федорович Адашев — опала и арест, вскоре после чего он скончался;

родственники А.Ф. Адашева (Шишкины, Адашевы — в том числе и Данила Федорович Адашев, Федор, Алексей и Андрей [Захаровичи] Сатины-Постниковы, Петр [Иванович] Туров) — подверглись казням;

князь Дмитрий [Федорович] Оболенский-Овчинин — убит;

князь Михаил [Петрович] Репнин — убит;

князя Кашины, Юрий и Иван Ивановичи — убиты;

князь Дмитрий [Андреевич] Шевырев — казнен;

князь Дмитрий [Иванович] Курлятев — насильственно пострижен в монахи, впоследствии убит со всей семьей;
 князь Владимир [Константинович] Курлятев — убит;
 князь Александр [Иванович] Ярославов — убит;
 князь Петр [Семенович] Серебряный-Оболенский — убит;

князь Александр [Борисович] Горбатый-Суздальский с сыном Петром — убиты;

Петр [Петрович] Ховрин-Головин — убит;

Михаил [Петрович] Ховрин-Головин — убит;

князь Дмитрий Ряполовский¹²⁰ — казнен;

князья Ростовские Семен [Васильевич Звяга], Андрей [Иванович Катырев] и Василий [Васильевич Волк]¹²¹ — убиты;

князь Ростовский-Темкин Василий [Иванович] — убит;

князь Петр [Михайлович] Щенятев¹²² с братьями Петром и Иваном — убиты;

князь Федор Львов [скорее всего, Федор Иванович Троекуров] — убит¹²³;

князь Федор [Александрович], вероятно, Аленкин или Оленкин — убит¹²⁴;

князь Иван Шаховской — убит;

князья Прозоровские Василий, Александр, Михаил — убиты;

князья Ушатые, «весь род» — убиты;

князья Пронские Иван [Иванович Турунтай] и Василий [Федорович] Рыбина (или Рыбин) — убиты;

князь Михаил [Иванович] Воротынский — был в опале, ссылке, умер на пытке;

князь Одоевский Никита [Романович] — умер на пытке, пострадала его семья;

Иван Петрович [Федоров-Челяднин] — убит с женой, слугами и родами служилых его дворян;

Иван Васильевич Шереметев Большой — искалечен на пытке, потом умер калекой;

Никита [Васильевич] Шереметев — убит;

- Семен Яковлевич [Захарьин] — убит с сыном;
 Хозяин [Юрьевич] Тютин (казначей, греческого происхождения) — убит с семьей;
 Иван [Иванович] Хабаров — убит с сыном;
 князь Михаил Матвеевич Лыков — убит с родней;
 род Колычевых и, в частности, Иван Борисович Колычев — убиты;
 Василий [Васильевич] Разладин или Розладин — убит;
 Дмитрий [Ильич Шафериков] Пушкин¹²⁵ — убит;
 Крик [Зуков] Тыртов — убит;
 Андрей [Иванович] Шеин — убит;
 Владимир [Васильевич] Морозов — заточен, а потом убит;
 Михаил [Яковлевич] Морозов с сыном Иваном — убит;
 Лев [Андреевич] Салтыков — убит с сыновьями;
 Игнатий [Иванович], Богдан [Васильевич], Феодосий (Федор?) [Иванович] Заболоцкие¹²⁶ — убиты;
 Василий [Андреевич] Бутурлин — убит с братьями и родственниками;
 Иван [Федорович] Воронцов — убит;
 [Тимофей] Замятня [Иванович] Сабуров — убит;
 Андрей и Азария [Федоровичи] Кашкаровы¹²⁷ — убиты;
 Василий и Григорий Тетерины-[Гундоровы]¹²⁸ — убиты;
 Данила [Григорьевич] Чулков-[Ивашкин]¹²⁹ — убит;
 князь Федор-Меньшой [Матвеевич] Булгаков-Денисьев¹³⁰ — убит с братьями и другой родней;
 князь Владимир [Константинович] Курлятев — убит;
 Григорий Степанович Сидоров — убит;
 семейство Сабуровых-Долгово — убиты;
 семейство Сарыхозиных — убиты;
 Никита Казаринов с сыном Федором — убиты;
 князь Андрей [по разным версиям Васильевич или Владимирович] Тулупов-Стародубский¹³¹ — убит.

Среди перечисленных Курбским людей можно выделить две группы военачальников: те, кого беглый князь называет

людьми «благородными», «мужественными», «искусными», опытными и т.п.; а также тех, за кем, по его мнению, числятся особые военные заслуги, — иными словами, настоящих полководцев.

Вот эти две группы:

1. Князь Владимир Константинович Курлятев, князь Александр Иванович Ярославов, князь Иван Иванович Турунтай Пронский, князь Михаил Матвеевич Лыков, князь Федор Матвеевич Булгаков, Василий Васильевич Разладин-Квашнин, Дмитрий Ильич Шафериков-Пушкин, Крик Зуков Тыртов, Замятня Иванович Сабуров, Данила Григорьевич Чулков, род Колычевых, род Заболоцких, род Кашкаровых, род Сабуровых-Долгово.

2. Князь Петр Семенович Серебряный-Оболенский, князь Александр Борисович Горбатый-Суздальский, князь «Дмитрий Ряполовский», князь Федор Иванович Троекуров, князь Михаил Иванович Воротынский, Иван Васильевич Шереметев Большой.

Насколько прав беглый князь в своих оценках? Во второй группе к числу воеводской элиты совершенно однозначно следует отнести князя Петра Семеновича Серебряного-Оболенского, князя Александра Борисовича Горбатого-Суздальского, князя Михаила Ивановича Воротынского, а также Ивана Васильевича Шереметева Большого. Родственник Курбского князь Федор Иванович Троекуров («князь Федор Львов»), по его словам, был человеком «выдающейся храбрости и святой жизни», верно служил государю с молодости до сорока лет, «...не раз одерживал светлые победы над погаными, обагрив руки свои кровью, вернее же, освящая их кровью басурман», — что, в общем, не встречает возражений. Князь Дмитрий Ряполовский — таинственная фигура. Если имелся в виду князь Дмитрий Иванович Хилков или князь Дмитрий Федорович Палецкий, то оба они бывали на высоких ролях в действующих полках, прав-

да, воеводские должности Д.Ф. Палецкого превосходили «карьерные достижения» Д.И. Хилкова. Иными словами, Курбский избыточно превозносит деяния родственника, а в остальных оценках совершенно адекватен.

Что касается первой группы, то там придется выделить еще нескольких опытных военачальников, значение которых Курбским даже несколько преуменьшено. Это прежде всего Иван Петрович Федоров¹³², князь Владимир Константинович Курлятев, князь Александр Иванович Ярославов, князь Иван Иванович Турунтай Пронский, Замятня Иванович Сабуров, Василий Васильевич Разладин-Квашнин, Дмитрий Ильич Шафериков Пушкин, Данила Григорьевич Чулков¹³³.

Сюда надо приплюсовать также тех, чья опытность в военном деле, боевые заслуги или хотя бы высокое положение в армии не вызывают сомнений, хотя Курбский оставил без внимания их воинские «регалии». Таковы князь Петр Михайлович Щенятев (поистине звезда «генералитета» грозненских времен, очень крупная фигура), князь Юрий Иванович Кашин, князь Никита Романович Одоевский, кн. Василий Иванович Темкин-Ростовский (сам видный опричник), Головины Михаил Петрович и Петр Петрович (в особенности первый из них), Алексей Федорович Адашев, Данила Федорович Адашев, Андрей Иванович Шеин, Василий Андреевич Бутурлин, Григорий Степанович Сидоров¹³⁴, Михаил Яковлевич и Иван Михайлович Морозовы

Курбский далеко не всегда достоверен. Наиболее надежной следует считать в его посланиях и «Истории о великом князе Московском» информацию по периоду до весны 1564 года, т.е. до побега в Литву. Позднее он пользовался слухами, надежность которых просто не имел возможности проверить. В некоторых случаях он сам признается, что судьбу того или иного человека не может проследить с точностью.

Немудрено, что Андрей Михайлович просто не в состоянии перечислить все потери высшего армейского ко-

мандования от предопричных и опричных казней. Поэтому придется добавить еще несколько человек к списку воевод, выбывших из рядов действующей армии по причине безвременной кончины на плахе или от иного орудия убийства...

Князя Петра Ивановича Горенского казнили в 1565 году за попытку перейти к литовцам. Ивана Петровича Яковлева-Захарьина — в 1571 году за неудачный поход под Ревель. Из числа опричных воевод по цареву повелению расстались с жизнью князь Михаил Темрюкович Черкасский (но это, впрочем, потеря небольшая, ибо значительного командного опыта у князя не было), Василий Иванович Умной-Колычев, Захарий Иванович Очин-Плещеев и другие. Уже после отмены опричнины казнили князя Петра Андреевича Булгакова-Куракина, ветерана грозненских войн.

Разумеется, вообще в эпоху Ивана Васильевича от казней погибло намного больше знати, чем здесь перечислено. Известные историки С.Б. Веселовский и Р.Г. Скрынников, работая с синодиками, содержащими списки людей, пострадавших от грозненских репрессий, уточнили потери военно-служилого сословия¹³⁵. В данном случае отбирались сведения о служилых аристократах, входивших в костяк военного руководства и пострадавших от террора¹³⁶. Вот итоговый их реестр¹³⁷:

Алексей Федорович Адашев¹³⁸

Данила Федорович Адашев

Алексей Данилович Басманов

Никита Васильевич Борисов-Бороздин

князь Петр Андреевич Булгаков-Куракин

Василий Андреевич Бутурлин

Иван Наумов¹³⁹ Бухарин

князь Михаил Иванович Воротынский

князь Иосиф (Осип) Федорович Гвоздев-Приимков (или Гвоздев-Ростовский)

Михаил Петрович Головин

Петр Петрович Головин

князь Александр Борисович Горбатый-Суздальский
князь Петр Иванович Горенский
Василий Дмитриевич Данилов
князь Семен Иванович Засекин-Баташев
Михаил Андреевич Карпов
Федор Андреевич Карпов
князь Андрей Иванович Катырев-Ростовский
князь Юрий Иванович Кашин
князь Дмитрий Андреевич Куракин
князь Владимир Константинович Курлятев
князь Михаил Матвеевич Лыков
Иван Михайлович Морозов
Михаил Яковлевич Морозов
князь Никита Васильевич Оболенский
князь Петр Семенович Оболенский-Серебряный
князь Никита Романович Одоевский
Захарий Иванович Очин-Плещеев
князь Дмитрий Федорович Палецкий (?)
князь Иван Иванович Пронский Турунтай
Дмитрий Ильич Шафериков-Пушкин
Василий Васильевич Разладин-Квашнин
князь Василий Волк Васильевич Ростовский
Тимофей Замятня Иванович Сабуров
Григорий Степанович Сидоров
князь Федор Васильевич Сисеев
князь Василий Иванович Темкин-Ростовский
князь Федор Иванович Троекуров
Василий Иванович Умной-Колычев
Иван Петрович Федоров-Челяднин
князь Дмитрий Иванович Хилков (?)
князь Михаил Темрюкович (или Темгрюкович) Черкас-
ский
Данила Григорьевич Чулков-Ивашкин
Андрей Иванович Шеин
Иван Васильевич Шереметев-Большой

князь Петр Михайлович Щенятев
Петр Иванович Яковлев
Семен Васильевич Яковля (Яковлев)
князь Александр Иванович Ярославов

Всего, таким образом, около пяти десятков с конца 50-х годов по вторую половину 70-х годов XVI столетия. Много это или мало? Если учесть, что в середине XVI века на воеводские должности в полках действующей армии и крупных городах могли претендовать человек сто, от силы сто пятьдесят, то получится, что из высшего эшелона русского командования выбыла как минимум треть. Катастрофический результат!

По большей части в список попали служилые аристократы, «худородных» тут крайне мало, зато персон, принадлежащих к высшей знати, предостаточно. Высок процент видных представителей нетитулованной знати — старинных боярских родов, особенно московских. То крепкое боярство, на которое опирались когда-то московские Даниловичи как на самый надежный резерв, при государе Иване Васильевиче потеряло лучших командиров и в конечном счете получило самый страшный удар¹⁴⁰.

Причем выбыли почти все талантливые, искусные, удачливые полководцы. Р.Г.Скрынников пишет, в частности, что к концу 1570-х годов, когда Россия начала последнее масштабное наступление в Ливонии, «...все крупнейшие военачальники были казнены Грозным»... В их числе оказались Александр Горбатый, Михаил Воротынский, Алексей Басманов, Михаил Репнин, Юрий Кашин, Андрей Шеин». Не было с ним также бесстрашного И.В. Шереметева-Большого, энергичного В.И. Умнога-Колычева, рассудительного А.Ф. Адашева, опытных кн. И.И. Пронского Турунтая и П.М. Щенятева... Это как будто подтверждает тезис Скрынникова о том, что «...военное руководство перешло в руки воевод, не имевших особых заслуг, опыта и способностей»¹⁴¹.

Но гибель «генералитета» — еще полбеды. Реставрированные Скрынниковым синодики показывают: счет ведется на тысячи жертв. Из них бóльшую часть занимают служилые люди по отечеству, погибшие под секирой террора с семьями и слугами. Они не принадлежат к боярско-княжеской аристократии. Это в основном дети боярские московские, выборные и городовые — от очень заметных родов до совершенно неизвестных. Трудно установить, сколько именно и по какому «делу» было их казнено. Однако масштаб ущерба, нанесенного военно-служилому сословию в целом, весьма велик. В 1563 году под Полоцком Иван IV располагал корпусом дворянской конницы численностью в 18 000 бойцов (к самим дворянам добавляют, как правило, такое же количество вооруженных холопов). Для XVI столетия это высший предел. Больше, теоретически, могло выйти только в казанский поход 1552 года, но не сохранилось документов, способных пролить свет на этот вопрос. В ливонских кампаниях 70-х годов царю удавалось собрать примерно в два раза меньше помещиков-кавалеристов. Конечно, многих из них повыбило на войне. Кое-кто скрывался от службы «в нетях». Но, видимо, и террор сказал веское слово: ущерб, понесенный от него дворянской конницей — основой русской армии того времени, — был таков, как если бы основные силы Московского государства подверглись разгрому в генеральном сражении...

Наконец, худо сказалась на боеспособности войск так называемая казанская ссылка 1565 года¹⁴². Она надолго вывела из оперативного оборота значительное количество служилых людей.

С кем же Иван Васильевич остался? Каких московских военачальников князь Курбский презрительно именует «каликами»? Хороши ли они в деле? Много ли у государя осталось незаменимой и верной поместной конницы? Тот же Скрынников считает, что к 1577 году у Ивана Васильевича «...не оказалось способных воевод, которые могли

бы овладеть опорными крепостями Ригой и Таллином»¹⁴³. Между тем сам Иван Грозный более оптимистично смотрел на этот вопрос. Полемизируя с Курбским, писавшим об истреблении «сильных во Израиле», он демонстрирует уверенность и в своей правоте, и в работоспособном состоянии командирского корпуса: «...Сильных во Израиле мы не убивали, и не знаю я, кто это сильнейший во Израиле, потому что Русская земля держится Божьим милосердием, и милостью пречистой Богородицы, и молитвами всех святых, и благословением наших родителей, и, наконец, нами, своими государями, а не судьями и воеводами, а тем более не ипатами и стратигами. Не предавали мы своих воевод различным смертям¹⁴⁴, а с Божьей помощью мы имеем у себя много воевод и помимо вас, изменников. А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить»¹⁴⁵.

И в годы опричнины, и после ее отмены, московская армия регулярно совершала крупные операции — главным образом наступательные на западе и северо-западе, а также оборонительные на юге. Всякий раз с началом новой операции требовалось назначить с десятков воевод в полки. Их, разумеется, назначали: имена этих людей дошли до нас в разрядных книгах, а также источниках иностранного происхождения (царское летописание прервалось на 1567 году). И если анализировать их социальный состав, то выяснится, что в подавляющем большинстве случаев они были... все теми же служилыми аристократами. Провинциальных дворян в командирский корпус добавилось совсем немного. Дворян московских — тоже не столь уж большое количество.

Художественная литература многим привила неадекватное восприятие военной стороны опричнины: царь будто бы дал возможность представителям низшей ступени в иерархии военно-служилого класса проявить себя на воеводских должностях! Энергичные дворяне будто бы заменили в полках «ленивых богатин», жирных бояр! Да ничего подобного. Правда состоит в том, что русское армейское командование

в опричные и постопричные годы стало всего лишь... *несколько менее аристократичным.*

Кто возглавлял армии в главных походах, а также оборонительных операциях на юге в 1565—1584 годах? ¹⁴⁶ Если не считать самого Ивана IV и татарских царевичей, то высшие воеводские посты занимали следующие лица ¹⁴⁷:

князь Василий Иванович **Барбашин (Борбашин-Суздальский)**, опричный воевода (1570)

Федор Алексеевич **Басманов**, опричный воевода (1568—1569), умер в ссылке на Белоозере

князь Иван Дмитриевич **Бельский** (1565, 1567—1571), погиб в 1571 г. в Москве от пожара

Иван Михайлович **Бутурлин** (1580)

Лобан Андреевич **Бутурлин** (1575)

Фома Афанасьевич **Бутурлин** (1580)

князь Иван Михайлович **Воротынский** (1580—1582)

князь Михаил Иванович **Воротынский** (1565, 1569—1570, 1572), подвергся пыткам, умер по дороге в ссылку в 1573 г.

князь Дмитрий Иванович **Вяземский**, опричный воевода (1565)

князь Василий Юрьевич **Голицын** (1570—1575, 1577)

князь Иван Иванович **Голицын** (1577)

князь Иван Юрьевич **Голицын-Булгаков** (1565, 1570, 1572—1576, 1578—1580)

князь Иван Михайлович **Елецкий** (1582)

князь Михаил Петрович **Катырев-Ростовский** (1579—1582)

князь Андрей Петрович **Куракин** (1575, 1583)

князь Григорий Андреевич **Куракин** (1577)

князь Владимир Константинович **Курлятев** (1565, 1566), казнен (вероятнее всего, в 1568 г.)

князь Иван Константинович **Курлятев** (1580—1582)

князь Иван Семенович **Лобанов-Ростовский** (1577)

князь Федор Михайлович **Лобанов-Ростовский** (1582)

Михаил Яковлевич **Морозов** (1568—1569), казнен в 1573 г.

Петр Васильевич Морозов (1576)

Иван Михайлович Морозов-Большой (1571—1572), казнен в 1573 г.

князь Иван Федорович Мстиславский (1567, 1573, 1576—1580)

князь Федор Иванович Мстиславский (1582, 1583)

князь Иван Андреевич Ноготков (1582—1583)

князь Данила Андреевич Ногтев-Суздальский (1577, 1582—1583)

князь Михаил Юрьевич Оболенский-Лыков (1570), погиб в бою за крепость Сокол в 1579 г.

князь Борис Васильевич Оболенский-Серебряный (1573—1575)

князь Петр Семенович Оболенский-Серебряный (1567), казнен в 1570 или 1571 г.

князь Михаил Никитич Одоевский (1579—1580)

князь Никита Романович Одоевский (1572—1573), казнен в 1573 г.

Андрей Иванович Очин-Плещеев, опричный воевода (1567—1568)

Захарий Иванович Очин-Плещеев, опричный воевода (1568—1569), казнен в 1570 г.

князь Андрей Дмитриевич Палецкий (1569—1570, 1574), погиб в бою за крепость Сокол в 1579 г.

Иван Дмитриевич Плещеев-Колодка, опричный воевода (1567—1568)

князь Петр Данилович Пронский, опричный воевода (1571—1572)

князь Семен Данилович Пронский (1572—1573, 1579—1580)¹⁴⁸

князь Иван Иванович Пронский Турунтай (1565, 1566), убит в 1569 г.

Данила Борисович Салтыков (1579), погиб под Венденом в 1578 г.

князь Иван Васильевич Сицкий (1582)

князь Андрей Петрович **Телятевский**, опричный воевода (1565, 1568—1569)

князь Иван Петрович **Зубан (Зубов) Телятевский**, опричный воевода (1568—1569)

князь Василий Иванович **Темкин**, опричный воевода (1570), казнен в 1571 г.

князь Андрей Васильевич **Трубецкой** (1577)

князь Тимофей Романович **Трубецкой** (1577, 1579—1580)

князь Федор Михайлович **Трубецкой**, опричный воевода (1571—1572)

князь Иван Самсонович **Туренин** (1583)

князь Василий Муса Петрович **Туренин** (1581)

князь Василий Васильевич **Тюфякин** (1571)

князь Никита Васильевич **Тюфякин** (1575—1576)

Василий Иванович **Умной-Колычев**, опричный воевода (1570), казнен в 1575 г.

князь Василий Дмитриевич **Хилков** (1579—1580)

Никифор Павлович **Чепчугов-Клементьев** (1581—1582),

князь Борис Камбулатович (Камбулович) **Черкасский** (1582—1583)

князь Михаил Темрюкович **Черкасский**, опричный воевода (1567, 1570—1572), казнен в 1571 году

князь Семен Ардасович **Черкасский** (1572—1573)

Федор Васильевич **Шереметев** (1584)

князь Андрей Иванович **Шуйский** (1582)

князь Василий Иванович **Шуйский** (1580—1581)

князь Иван Андреевич **Шуйский** (1565, 1567, 1571), погиб в 1573 году в Ливонии, под городом Коловерью (Лоде).

князь Иван Петрович **Шуйский** (1569—1570, 1577)

князь Петр Михайлович **Щенятев** (1565)

князь Меркул Александрович **Щербатый** (1583)

Никита Романович **Юрьев** (1572, 1575)

Иван Петрович Хирон **Яковлев-Захарьин** (1565, 1570), казнен в 1571 году.

Всего, таким образом, за два десятилетия немногим менее 70 человек¹⁴⁹. Худо в этой ситуации то, что первых лиц оказалось *слишком много*. Это значит: настоящих «фаворитов», т.е. полководцев, стабильно добивающихся успеха, совсем мало, прочие же равноценны, и можно их тасовать, как колоду, в которой полсотни разномастных валетов...

Если не считать представителей «старой гвардии», вроде князя М.И. Воротынского или князя И.Д. Бельского, сгинувших в начале обозреваемого периода, кто постоянно, из года в год, руководит главными силами русской армии? В 60-х — начале 70-х годов — князь Иван Андреевич Шуйский, в 70-х годах — князья Иван Юрьевич и Василий Юрьевич Голицыны, на рубеже 70-х и 80-х — князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский, а также князь Иван Федорович Мстиславский, единственный ветеран из «старой гвардии», уцелевший после всех опричных и постопричных репрессий, хотя неприятности были и у него. Последний в 80-х передает «вахту» сыну, Федору Ивановичу Мстиславскому. И если отец был исключительно опытен, воевал на высоких воеводских должностях еще со времен последней казанской войны, неплохо проявил себя в 1552 году, взял Феллин в 1560 году, то сын, по общему мнению, военных талантов был лишен. В самом конце «набирают ход» князь Семен Данилович Пронский да князь Тимофей Романович Трубецкой (этот еще послужит и государю Федору Ивановичу, и государю Борису Федоровичу).

Есть ли среди них хотя бы один «калика»? Иными словами, хотя бы один ничтожный — по сравнению с любым служилым аристократом — городской сын боярский? Или хотя бы выборный сын боярский? Или хотя бы один дворянин, служащий по московскому списку, но не принадлежащий знаменитой древностью рода знати? Ничуть не бывало. Все те же «сливки». Удалось ли «худородным» отметиться хотя бы раз среди «больших воевод», то есть пробиться не в постоянные командующие, а хотя бы в полководцы-на-

одну-кампанию? Случай именно один-единственный за все 20 лет¹⁵⁰: Никифор Павлович Чепчугов в 1582 году ходил во главе маленькой рати из двух полков из Казани на Каму. Этот начинал из стрелецких голов и долго выслуживал высокие воеводские должности; он был, по всей видимости, по-настоящему талантливым военачальником¹⁵¹. Впрочем, его почетное воеводство никак не связано с опричниной: назначение произошло через 10 лет после ее отмены...

Среди упомянутых в этом списке опричных воевод хуторных нет ни единого. Допустим, князь Дмитрий Иванович Вяземский, а также Иван Дмитриевич Плещеев-Колодка с Шуйскими, Трубецкими, Черкасскими и т.п. тягаться в знатности не могут ни при каких обстоятельствах. Но все-таки первый из них служит по княжескому списку, а второй принадлежит к видному московскому боярскому роду. Пусть они и второго сорта знать, однако для рядовых провинциальных детей боярских они недостижимы, и не все ли равно, через сколько уровней надо прыгать, чтобы сравняться с ними: через пять или через семь?

Правда, на воеводские должности, рангом стоящие ниже «больших воевод», попадали опричники с тех самых «придонных» уровней служилой старомосковской иерархии. В основном они «годовали» в порубежных крепостях и ходили в походы вторыми или третьими полковыми воеводами. Среди них следует назвать прежде всего Михаила Андреевича Безнина, Малюту Лукьяновича Скуратова-Бельского, Романа Васильевича Алферьева¹⁵², Константина Дмитриевича Поливанова, Григория Осиповича Полева¹⁵³, Петра Васильевича Зайцева, Ивана Боушева (Бушева? Унковского?), Игнатия Борисовича Блудова, Ивана Ивановича Мятлева, Ивана Наумовича Бухарина, Афанасия Новокшенова. Но их немного, да и карьера их складывалась довольно своеобразно. В конце опричного периода опричные и земские¹⁵⁴ войска действовали вместе. На закате опричнины туда записали многих родовитых аристократов, потеснивших ху-

дородных «воинников» первых лет, — таким образом, у «молодых волков» уже возникли сложности. А после «закрытия» опричнины бывшим опричным командирам пришлось строить довольно сложные отношения с бывшими земскими воеводами, в большинстве случаев заведомо превосходившими их по знатности. Некоторых из прежних выдвиженцев Ивана Грозного встречаем в роли уже не воевод, а всего-навсего стрелецких голов... От начальной опричной генерации сохранили высокое служебное положение, во-первых, самые дельные и толковые люди (например, Михаил Андреевич Безнин и Роман Васильевич Алферьев). Их в итоге оказалось совсем мало. Они счастливо дослужили до царствования государя Федора Ивановича благодаря покровительству Ивана IV¹⁵⁵, но затем их служебный статус был резко понижен¹⁵⁶. Во-вторых, сохранили позиции поднявшиеся представители служилой знати «второго сорта» (например, князь Дмитрий Иванович Хворостинин, князь Андрей Старко Иванович Хворостинин, Иван Дмитриевич Плещеев Колодка из старинного московского боярского рода), которые, при случае, могли небезуспешно поместничать¹⁵⁷, да и в целом не занимали позицию противостояния высшей аристократии. Этим удалось сохранить свое положение и после опричнины, и после смерти Ивана IV. Собственно, фраза о русском армейском командовании, ставшем *несколько менее аристократичным*, относится именно к их выдвижению.

Период, когда существовала самостоятельная опричная армия, довольно краток. Всего несколько лет. И появление когорты опричных воевод из низов военно-служилого класса — тоже явление единичное. Государь московский и прежде опричнины, и после нее приближали к себе худородных фаворитов. Иван IV в годы опричнины попытался сделать из этого систему, несколько лет «экспериментировал», а потом отказался от нее, оставив за собой право на сохранение *некоторых элементов* радикальной опричной схемы¹⁵⁸.

Собственно, демонтаж ее начался за два года до официальной отмены, еще в 1570 году, когда государь наложил опалу на видных опричников «первого призыва»: Басмановых, Плещеевых, Афанасия Вяземских. Вместо казненных, отправленных в тюрьмы и «разжалованных» опричных деятелей «старой формации» государь Иван Васильевич срочно набирает в опричную Думу и в опричное военное командование высшую знать. А после поражения от крымцев Девлет-Гирея, в мае 1571 года, опричина более не формирует самостоятельных полевых соединений. Доверие к ней утрачено.

Причины здесь надо искать, опять-таки, в военной сфере.

Опричное войско представляло собой ударные отряды из поместной конницы, одновременно служившей для охраны государевой особы и для участия в обычных боевых действиях. Нет сведений, что на уровне тактики, вооружения, походного снаряжения опричная армия сколько-нибудь отличалась от земской. Но она *управлялась по-другому*, и в этом все дело.

Русская военная система, унаследованная государем Иваном IV от своего отца, Василия III, и деда, Ивана III, была исключительно сложна.

Удельные князья со своими боярами и со своими армиями. Князья, сохранившие огромные вотчины в княжествах, где их предки были полновластными хозяевами, и обладающие на этих территориях значительными судебно-административными привилегиями. Князья — крупные землевладельцы. Князья — рядовые помещики. Князья — рвань, князья — нищета, однако же способные носить оружие и ищущие карьеры при дворе великого князя. Князья, давным-давно попавшие на службу московским государям. Князья, выехавшие к Москве совсем недавно. Бояре из родов, служивших еще Даниилу Московскому или Ивану Калите. Бояре из родов, служивших совсем другим князьям, в том числе прямым противникам Московского княжеского дома в по-

литической борьбе. Захудалые родом и богатством бояре, способные исправить личный служилый статус и положение рода только в Москве, на «дворовой» службе. Знатные в провинции дети боярские «по выбору», они же — никто или почти никто в Москве. И — самое дно, городские дети боярские... При Василии III все это варево еще кипело и булькало, не застыв, не отвердев до конца. Иногда градус повышали выезды к Москве настоящих магнатов, например того же князя Михаила Львовича Глинского...

Многие из них еще помнили эпоху неограниченного владычества отцов и дедов на землях, впоследствии подчинившихся Москве. Некоторые (те же Воротыньские, например) продолжали чувствовать себя таковыми. Привести эту гордую, своевольную, хорошо вооруженную массу к повиновению, заставить ее «честно и грозно» служить великому князю московскому было непростым делом. Иван III умело балансировал, учитывая интересы различных аристократических группировок: то жаловал, то налагал опалу, но в целом на казни был скуп. Мощь Москвы многих привлекала. Блистательный политик, Иван III умел сделать так, чтобы могущественные княжеские семейства бежали к нему, а не от него. В его времена московская армия, поразительно пестрая по своему составу, управляемая на первый взгляд хаотично, добилась тем не менее грандиозных успехов. Василий III действовал попроще, для него более свойственно было применять силу. Переезды при нем шли в обе стороны. Но при Василии III уже всю действовала социальная машина местничества. Автор этих строк полагает, что первому государю, позволившему «работать» местническому механизму, надо бы поставить памятник¹⁵⁹. Эта мудрая система иной раз, конечно, боком выходила во время боевых действий, зато она сглаживала противоречия внутри правящего класса и позволяла находить компромиссные пути выхода из конфликтов между отдельными аристократическими группами. А компромиссные — значит, прежде всего мир-

ные! Орава воинственной, пассионарной знати, оказавшейся в распоряжении великого князя московского, могла ведь и передрататься, как это бывало, например, в Польше и Литве... А могла стать сокрушительным орудием завоеваний. Полки, состоящие из выносливых, агрессивных, спаянных единой верой служилых людей, пугали соседей России. Тем более во времена, когда страна была на подъеме и территория ее стремительно увеличивалась.

Так вот, русская военная система второй половины XV — середины XVI века напоминает мощный гоночный автомобиль с тремя рулями и сверхсложной приборной доской. Умея управляться со всеми этими нагромождениями, можно выжать из машины невиданную скорость и маневренность (Иван III). Заблокировав кое-какие возможности и научившись жесткому вождению в стиле «только навверняка», можно было преодолевать довольно сложные трассы (Василий III). Но если выпустить рули из рук, машина начнет взбрыкивать, как норовистый конь (регентство Елены Глинской). Еще того хуже — перестать вмешиваться в ее работу. Едет сама, ну и едет... Так было, в силу сложившихся обстоятельств, на протяжении детских лет Ивана Грозного. Тогда автомобиль, во-первых, постарался свернуть туда, куда ехать надо было ему, а не шоферу и, во-вторых, попробовал произвести апгрейд самого водителя.

Детские ужасы Ивана Васильевича — вовсе не плод подростковой фантазии и не признак паранойи. Мальчик ехал во взбесившемся автомобиле, автомобиль вез его прямо в логово страшных татар, заботился о водителе очень умеренно и когда тот протягивал руки к рулям, старался не дать ему власти над собой...

Ведь это страшно!

А испытывалось на прочность не стальное хладнокровие Ивана III, а нервная, артистическая натура его внука. Иван Васильевич знал, что у матери и, особенно, у отца получалось привести служилую аристократию к несрав-

ненно большей покорности, чем удавалось ему самому — до поры до времени. Понимал, что такое положение вещей для страны неестественно. Боялся влететь на сбрендившей машине в большую аварию. Но как управлять доставшимся по наследству военно-служилым классом, не знал. Просто научить было некому...

Между тем татарская опасность постоянно нависала над Московским государством. Войны с Казанью вовсе не были своего рода футбольным матчем, где одна команда заведомо сильнее другой, и игра идет в одни ворота. Сцепились два молодых хищника, обе стороны получали глубокие, исходящие кровью раны. А война на западе затихла только по одной причине: московское правительство поспешило зафиксировать результаты неудачной для России Стародубской войны. В результате обе стороны — и Москва, и Литва — остались неудовлетворенными. Таким образом, и здесь граница всегда могла трансформироваться в линию фронта. Требовалось как-то обрести контроль над ситуацией.

Хорошо же, если с этой системой справиться трудно, — мог рассуждать молодой Иван Васильевич, — не заменить ли ее на другую, более простую? А значит, и более управляемую. Вместо поисков баланса интересов, лавирования, четкого выбора, в какой момент и в каком направлении стоит использовать всю мощь военной машины, следует прежде всего установить другую... «приборную панель». И очень желательно оставить один руль вместо трех... Новая система должна основываться на двухчастном принципе администрирования: отдать приказ — получить отчет о выполнении. Не ломать голову о том, кто и как отнесется к тому или иному заданию, кого задуманный план может задержать, а кто охотно его поддержит, не выстраивать из года в год «домены» союзного большинства в аристократической среде, не оставлять «деталю» машины некоторую самостоятельность, а просто — приказать и выслушать потом

отчет о выполнении. Пусть будут почти неодушевленные «винтики», лишь бы система упростилась до того, чтобы ею мог управлять даже полный идиот в состоянии расслабленности. Как бы это сделать? И можно ли в принципе сделать это, не сокрушив прежнюю, традиционную систему?

Сначала государь Иван Васильевич идет путем компромисса. Во время последней войны с Казанью он учреждает стрелецкое войско, абсолютно независимое от служилой аристократии и призванное прежде всего охранять царскую особу. По разным подсчетам, в царствование Ивана Васильевича стрелецкий корпус достиг численности 20 000—30 000 бойцов. Судя по многочисленным известиям иностранцев (Ф. Тьеполо, Дж. Горсей, Г. Штаден), государь постоянно нанимал на службу выходцев из Европы — в качестве солдат, артиллеристов, младших командиров, военных инженеров и инструкторов. Русские источники подтверждают участие целых отрядов иностранных наемников в боевых действиях. На западном фронте Иван Грозный постоянно использовал служилых татар. Все это были силы, которыми принципиально легче управлять, нежели дворянским ополчением. Однако последнее было ядром вооруженных сил, да и самой боеспособной их частью...

Удается также чуть-чуть ограничить местничество, приведя его в какую-то систему указом 1550 года о старшинстве воевод в полках. Вот текст указа в двух редакциях¹⁶⁰:

«I. Того же лета [1550 год] месяца июля в... день царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси приговорил с отцом своим Макарьем митрополитом, и з братом со своим Юрьем Васильевичем, и со князем Володимером Ондреевичем и з бояры своими, где кому быти случится на службе бояром и воеводам по полком: в большом полку быти большому воеводе; а передового полку и правые руки и левые и сторожевому полку первым воеводам менши быть большого полку первого воеводы; а хто будет другой воевода в большом полку, и до того другога воеводы правые руки

большому воеводе дела и счету нет, быти им без мест; а передовому полку и сторожевому первым воеводам правые руки быти не менши; а левой руке воеводам быти не менши передового полку и сторожевого первых воевод; а быти левой руке воеводам менши правые руки. А князем и дворяном болшим и детем боярским быти с бояры и с воеводами большими и с легкими воеводами на цареве и великого князя службе без мест. И в Розряд государь велел записати, что боярским детем и дворяном болшим случится где быть на государеве службе с воеводами не по их отечеству, и в том их отечеству порухи никоторые нет».

«II. Лета 7058 [1550/1551 г.] приговорил царь государь с митрополитом и со всеми бояры. В полках быти княжатам и детем боярским с воеводами без мест, ходити на всякие дела со всеми воеводами для вмещения людем, а в том отечеству их уничижения нет. Которые будут впредь в боярех или в воеводах, и они считаются по своему отечеству. А воеводы в полках: большой полк, да правая рука, да левая рука по местом, а передовой полк да сторожевой полк менши одного в большом полку большого воеводы, а до правой руки и до левой руки, и в большом полку до другого воеводы дела нет, с теми без мест; хто с кем в одном полку послан, тот того и менши. А воевод государь прибирает, розсуждая их отечество и хто того дородитца, хто может ратный обычай содержать»¹⁶¹.

Иван Семенович Пересветов, русский публицист конца 40-х годов XVI столетия и, по словам А.А. Зимина, «горячий защитник прав и прерогатив “воинников”-дворян»¹⁶², советуется царю поставить на дворян и стрельцов, как на ядро армии, а также, по возможности возвышать наиболее мужественных из них до командных должностей. Государь пытается обеспечить поместьями «избранную тысячу» дворян, способных стать основой для нового, легкоуправляемого войска¹⁶³. Ученые спорят о том, удалось ли решить эту задачу в полной мере, но, во всяком случае, хотя бы часть

«тысячников» землю получила. В «избранной тысяче» уже виден прообраз опричнины: ведь и опричина начнется с назначения «...князей и дворян, и детей боярских дворовых и городовых, 1000 голов», т.е. формирования нового командирского корпуса¹⁶⁴. Хорошо было бы заменить капризных и самолюбивых «княжат» на небогатых дворян, кушающих из рук у государя!¹⁶⁵ Или хотя бы на выходцев из старинных боярских родов, веками служивших московским правителям, а в середине XVI столетия претерпевших немалое утеснение от тех же «княжат». Управляемость войсками, надо полагать, резко повысится...

Выйдя живым и невредимым из кампании 1552 года, Иван Васильевич понимает: «обойти», «обмануть» старую систему не удастся. Можно либо смириться с нею, либо приняться давить на нее, либо разрушить ее совсем и на этом месте построить новую...¹⁶⁶

В результате государь довольно долго пытается действовать методами Василия III, оказывая давление на служилую аристократию. Та в ответ затевает бесчисленные побег. «Жесткий режим» ее не устраивает. Но не устраивает он и царя: по всей видимости, он боится, что руль опять вырвется из его рук. 1563 год, полоцкая победа, вроде бы примиряет Ивана IV с общим положением дел. Однако следующий, 1564 год, с его поражениями, изменами, а значит, яркой демонстрацией слабостей военной машины, вызывает у государя нервный срыв. И тогда он, наконец, начинает свой «исторический эксперимент»: вырывает из страны и военно-служилого сословия фрагмент, чтобы в рамках этого фрагмента создать более простую, более управляемую и в конечном итоге более эффективную систему. Набирает для нее людей, не имеющих столь высокого социального статуса, как величайшие семейства «княжат», а значит, по идее, в большей степени зависимых от престола. Наделяет себя неограниченной властью над этим войском, а само войско — неограниченной властью над страной.

Система действительно оказалась намного проще предыдущей, сохраненной в земщине. Да и более управляемой, хотя и не настолько, насколько рассчитывал Иван IV. Но только — вот беда! — эффективность ее оказалась невелика. За опричными боевыми формированиями числится только одна самостоятельная, вне взаимодействия с земскими войсками, победа над неприятелем: в 1570 году великий полководец князь Д.И. Хворостинин разгромил крымцев под Зарайском. Добавить нечего. Опричное войско годилось для охранных целей и было незаменимым инструментом репрессий. Но даже во время борьбы с земскими заговорами, даже во время грабительского похода на Новгород и Псков в 1570 года¹⁶⁷, опричники покидали царя, предпочитая кровавой, страшной, но все же службе личное обогащение. В записках немца-опричника Генриха Штадена есть очень характерное место: царь после этого похода делает в Старице смотр опричному войску, желая знать «...кто остается при нем и крепко его держится»¹⁶⁸. И «мемуары» Штадена, и записки других иностранцев об опричном времени изобилуют свидетельствами многочисленных злоупотреблений опричных должностных лиц, не меньше заботившихся о собственном обогащении, чем старая, аристократическая администрация, но более «голодных», а значит, менее сдержанных в методах и масштабах вымогательства, взяточничества, открытого грабежа. При этом они осмеливались оставлять Ивана IV в его походах...

Но это, так сказать, цветочки.

Ягодки подкинула очередная военная кампания в Ливонии. Летом 1570 года русское войско, усиленное отрядами ливонского короля Магнуса, союзника Ивана IV, осадило Таллин (Ревель). В распоряжении воевод была отличная артиллерия и значительные по численности полки. Однако и город оказывал упорное сопротивление. Через два месяца после начала осады из России подошло подкрепление — опричный корпус. Его присутствие в осаждающей

армии дало эффект, прямо противоположный ожидавшемуся. В хронике таллинского пастора Бальтазара Рюссова, в частности, сообщается: «Этот отряд гораздо ужаснее и сильнее свирепствовал, чем предыдущие, убивая, грабя и сжигая. Они бесчеловечно умертвили много дворян и простого народу». В итоге решимость защитников города лишь возросла, а мирные переговоры с ними потеряли всякий смысл. Проведя всю зиму под стенами неприступной крепости, русские полки в марте 1571 года вынуждены были отступить.

Воеводы, виновные в срыве Ревельской операции, под арестом отправились в Москву.

Тогда же немец-опричник Таубе пытается поднять мятеж в Юрьеве-Ливонском.

Еще хуже складывались дела на южном фронте.

Во второй половине 1560-х годов опричные полки не раз выходили на юг, «по крымским вестям»: напряженность в отношениях с Крымом не убывала. Но в боевых действиях они принимали участие довольно редко. Уже осенью 1565 года опричный корпус был выдвинут под Болхов, где стоял с войсками крымский хан Девлет-Гирей. Однако тогда дело не пошло дальше авангардных стычек. Впоследствии войско опричников отправляли в Одоев, Мценск, Калугу, на Хотунь и т.д. В 1569 году турки совместно с крымцами и ногаями угрожали Астрахани, но взять город и разбить русских воевод не смогли. В 1570 году татары совершили несколько дерзких набегов малыми силами. Как уже говорилось, сам царь, встревоженный обстановкой на юге и уверенный в силе своей новой армии, ненадолго выезжал к Серпухову.

Гром грянул весной следующего года. Разразившаяся тогда военная катастрофа пошатнула здание опричнины. Как, впрочем, зашаталась и вся Россия...

Девлет-Гирей явился на южные «украины» Московского государства с большим войском и полной решимости

разорить страну, а еще того лучше — погубить ее. Между тем Москва равноценных сил выставить в поле не могла: значительная часть русских войск занята была в Ливонии, да и поредели полки Ивана IV после многолетней войны на два фронта...

Более того, действия наличных сил трудно было скоординировать: командование-то делилось на опричное и земское.

С русской стороны к татарам перебегают дети боярские, напуганные размахом опричных репрессий. И один из перебежчиков показывает крымцам дорогу в обход оборонительных позиций русской армии. Другой сообщает, сколь малы силы, противостоящие хану. Девлет-Гирей переходит Оку вброд, и, сбивая наши заслоны, стремительно движется к Москве. Опричным отрядам не удается затормозить его наступление.

Царь с частью опричного корпуса отступает к Москве, оттуда к Александровой слободе, а из слободы — аж в Ростов. В ту несчастную весну все идет неудачно, все не работает, все происходит не по плану. К тому же Московское государство ослаблено: страну терзает моровое поветрие, два года засухи привели к массовому голоду. Людей, которых можно поставить в строй, катастрофически не хватает.

Иван Васильевич испытывает настоящее потрясение. В 1552 году под Казанью он боялся по милости собственных воевод попасть к неприятелю в руки. Теперь старые его страхи оживают и материализуются. Неожиданно для Ивана IV татары оказываются в непосредственной близости от его ставки. Никто не привел государю «языка». Никто не позаботился о ведении сторожевой службы. Прежде всего, допустили странное легкомыслие командиры передового и сторожевого полков, на которые возлагались обязанности авангардных частей армии. Опричные воеводы проходят мимо царя с полками в растерянности, не зная, что предпринять. Иван IV опасается, как бы кто-нибудь не взял его

коня под уздцы, как тогда, под Казанью, и не привел его вместе со всадником к Девлет-Гирею. Отступление кажется государю меньшей из бед. Так поступали многие князья Московского дома, застигнутые татарским набегом врасплох. Курбский в третьем послании Ивану Грозному пишет: «...мог бы ты... вспомнить... какие язвы были Богом посланы — говорю я о голоде и стрелах поветрия (мора), а напоследок и о мече варварском, отомстителе за поругание закона Божьего, и внезапное сожжение славного града Москвы, и опустошение всей земли Русской, и, что всего горше и позорнее, — царской души падение, и позорное бегство войск царских, прежде бывших храбрыми; некие здесь нам говорят, будто бы тогда, хоронясь от татар по лесам, с кромешниками своими, едва ты от голода не погиб!»¹⁶⁹ Для Штадена тоже все понятно: «...великий князь вместе с воинскими людьми — опричниками — убежал в незащищенный¹⁷⁰ город Ростов». Но в той ситуации государю, вне зависимости от того, испытывал ли он необоримый ужас, или был способен преодолеть его, не следовало рисковать жизнью. Его гибель могла ввергнуть Московское государство в еще горшие неприятности. Другое дело — опричное войско. Стоило ли значительную часть его уводить с собой, оголяя оборону Москвы, и без того скудную? Бегство царя в обстоятельствах 1571 года логично и понятно. Но бегство войска и непонятно, и нелогично¹⁷¹. Совершенно также непонятно и то, почему Иван Васильевич не остановил опричный корпус: если бы дело было в одном только страхе, если бы царь вел себя на протяжении всей жизни как патологический трус (чего не было), то и в этом случае не находит объяснений желание уйти с ненадежным воинством в неукрепленный город, в то время как из-под Таллина в Россию возвращалась первоклассная полевая армия. Или же сами опричники не очень-то соглашались вернуться и дать бой крымскому хану? На эти вопросы нет здравых и точных ответов.

В отсутствие опричного корпуса земские воеводы попытались организовать оборону столицы. Им удалось собрать полки под Москвой незадолго до подхода Девлет-Гирея. Во главе земской рати стояли опытные и храбрые военачальники: князь Иван Дмитриевич Бельский (старший из воевод), князь Иван Федорович Мстиславский и князь Михаил Иванович Воротынский. Оставленной для защиты столицы частью опричного корпуса руководил князь Василий Иванович Темкин. Казалось, положение города небезнадежно. Бельский контратаковал татар и, видимо, добился успеха: «...выезжал против крымских людей за Москву реку на луг за болото и дело с ними делал»¹⁷², а по другим источникам даже «забил» крымцев «за болото, за луг». Как видно, земская рать изготавилась драться до последнего. Вот уж, воистину, «отступать некуда, позади — Москва!».

К сожалению, во время атаки на татарское войско главнокомандующий князь Бельский получил ранение. Он был отвезен на свой двор. Его отсутствие, по мнению Р.Г. Скрынникова, внесло известную дезорганизацию в действия обороняющихся¹⁷³.

Не умея взять город, Девлет-Гирей велел запалить его. Он намеревался разграбить все, что не смогут защитить русские воеводы, занятые тушением пожара. Татары подожгли сначала царскую летнюю резиденцию в Коломенском, а на следующий день — московские посады. Пожар обернулся огненной бурей, настоящим бедствием. Результат превзошел все ожидания хана. Огонь стремительно и неотвратимо убивал город. Земские ратники оставались в Москве. Не покидая позиций, они перемогались с крымцами среди пылающих улиц. Тогда погиб боярин Михаил Иванович Вороной-Волынский и раненый князь Бельский, а также множество наших воинов. Девлет-Гирей так и не смог занять город. Ужаснувшись зрелищем разбушевавшейся стихии, понесся значительные потери, татары отошли прочь¹⁷⁴, прихватив с собой трофеи и полон. К тому времени в русской

столице армии уже не было — лишь несколько сотен чудом уцелевших детей боярских...

Небольшой полк Воротынского стоял на отшибе и уцелел. Князь преследовал крымцев, однако, по малолюдству своего отряда, не сумел отбить пленников. Орда ушла, по дороге разорив Рязанщину.

Невозможно без ужаса и печали читать источники, повествующие о смерти великого города в огне. Блистательная Москва, многолюдная, богатая, защищенная прочными стенами, украшенная храмами, кипящая на торгах, грозная своими полками, окруженная кольцом тихих и славных обитателей, отчего ты пала? Отчего допустили к тебе врага? Отчего была ты венценосной владычицей, а стала грязной нищенкой? Отчего царь и его слуги допустили бесчестие православной столицы? Невозможно забыть этой боли и этого позора, и только Богу, наверное, легко простить такой грех!

У нас нет надежных данных ни о населении Москвы в XVI столетии, ни о потерях, нанесенных русской столице в несчастный год Девлет-Гиреева нашествия. Но записки иностранцев, побывавших в Москве тогда или несколькими годами позднее, дают общее представление о масштабах катастрофы.

Вот письмо неизвестного англичанина, ставшего свидетелем событий 1571 года: «12 мая в день Вознесения крымский хан пришел к городу Москве с более чем 120 тысячами конных и вооруженных людей¹⁷⁵. Так как царские воеводы и воины были в других городах как охрана, а москвичи не приготовлены, то названные татары зажгли город, пригороды и оба замка. Все деревянные строения, какие там находились, были обращены в пепел, и я убежден, что Содом и Гоморра не были истреблены в столь короткое время... Утро было чрезвычайно хорошее, ясное и тихое, без ветра, но когда начался пожар, то поднялась буря с таким шумом, как будто обрушилось небо, и с такими страшными

последствиями, что люди гибли в домах и на улицах... На расстоянии 20 миль в окружности погибло множество народа, бежавшего в город и замки, и пригороды, где все дома и улицы были так полны народа, что некуда было притесниться; и все они погибли от огня, за исключением некоторых воинов, сражавшихся с татарами, и немногих других, которые искали спасение через стены, к реке, где некоторые из них потонули, а другие были спасены... Большое число (людей) сгорело в погребках и церквях. Среди них, между прочим, 30 человек в погребках Английской компании, из них трое служителей сэра Томаса Бентама; умерли также Томас Филд, Джон Уересли, ремесленники Томас Чефи, Томас Карвер, аптекарь и некоторые другие... Это великое и ужасное и внезапное разрушение, постигшее москвитян, сопровождалось сильной невиданной бурей, а под конец погода снова прояснилась и стала тихой, так что люди могли ходить и видеть великое множество трупов людей и лошадей, не говоря уже о тех, которые обращены были в пепел. Молю Бога не видеть впредь подобного зрелища. В ночь после того, как собака-татарин учинил это злодейство, он бежал со всею ратью к реке Оке... Число погибших при разорении Москвы показывают такое громадное, что я не решаюсь передать его. Скажу только, что из окрестностей Москвы на 60 миль и более и восьми человекам не удалось спастись в городе... В два месяца едва ли будет возможно очистить от человеческих и лошадиных трупов город, в котором остались теперь одни стены, да там и сям каменные дома, словно головки водосточной трубы...»¹⁷⁶

Вот известие из Польши (лето 1571 года): «...прибыл татарский посол с сообщением о поражении, нанесенном Московиту, чтобы получить дань, и говорил следующее: что они разорили, сожгли и разграбили (территорию) около 60 лиг в длину и 45 в ширину во владениях Московита; что мертвыми пало, может быть, около 60 тысяч (людей) того и другого пола; затем взято около 60 тысяч лучших плен-

ных; что они (татары) дошли до Москвы, сожгли весь город и замок, куда собралось много народу и, должно быть, задохнулись в дыму; что около 120 штук пушек утонули в реке Москве, не могли их увезти; что Московит удалился в Александрову слободу, отстоящую на 18 миль, и остался там у своей казны в весьма безопасном месте, так как там находится большое озеро, окружающее его...»¹⁷⁷

Генрих Штаден, современник событий, офицер опричного войска, скорее всего, оказался в сожженной Москве вскоре после отхода Девлет-Гирея. Он, в частности, пишет: «...за шесть часов выгорели начисто и город, и Кремль, и Опричный двор, и слободы. Была такая великая напасть, что никто не мог ее избегнуть!.. В живых не осталось и трехсот боеспособных людей. Колокола у храма и колокольня, на которой они висели, [упали], и все те, кто вздумал здесь укрыться, были задавлены камнями. Храм вместе с украшениями и иконами, был снаружи и изнутри выжжен пламенем; колокольни также. И остались только стены, разбитые и раздробленные. Колокола, висевшие на колокольне посреди Кремля, упали на землю и некоторые разбились. Большой колокол упал и треснул. На опричном дворе колокола упали и врезались в землю. Также и все [другие] колокола, которые висели в городе и вне его на деревянных [звонницах] церквей и монастырей. Башни или цитадели, где лежало порохное зелье, взорвались от пожара — с теми, кто был в погребах; в дыму задохнулось много татар, которые грабили монастыри и церкви вне Кремля, в опричнине и земщине... Одним словом, беда, постигшая тогда Москву, была такова, что ни один человек в мире не смог бы того себе и представить... Татарский хан приказал поджечь весь тот хлеб, который еще необмолоченным стоял по селам великого князя... Татарский царь Девлет-Гирей повернул обратно в Крым с сотнями тысяч (viel hundert tausent) пленников и положил в пусте у великого князя всю Рязанскую землю»¹⁷⁸.

Джером Горсей, агент Московской компании англичан, прибывший в Москву в 1573 году, доносит в своих записках несколько страшных подробностей Московского разгрома: «Река и рвы вокруг Москвы были запружены наполнившими их тысячами людей, нагруженных золотом, серебром, драгоценностями, ожерельями, серьгами, браслетами и сокровищами и старавшихся спастись в воде, едва высунув поверх нее головы. Однако сгорело и утонуло так много тысяч людей, что реку нельзя было очистить от трупов в течение двенадцати последующих месяцев, несмотря на все предпринятые меры и усилия. Те, кто остался в живых, и люди из других городов и мест занимались каждый день поисками и вылавливанием на большом пространстве [реки] колец, драгоценностей, сосудов, мешочков с золотом и серебром. Многие таким путем обогатились. Улицы города, церкви, погреба и подвалы были до того забиты умершими и задохнувшимися, что долго потом ни один человек не мог пройти [мимо] из-за отравленного воздуха и смрада... Крымский царь со своими войсками наблюдал этот большой пожар, удобно разместившись в прекрасном Симоновом монастыре на берегу реки в четырех милях от города, захватив награбленное и отобрав богатство у тех, кто успел спастись бегством от пожара. Хотя пожар города принес им мало пользы, они удовлетворились этим, возвращаясь назад с пленными и с тем, что успели наgrabить...»¹⁷⁹

Антонио Поссевино, папский посол, побывавший в России в 1581—1582 годах, слышал о былом величии Москвы: «Конечно, и при нынешнем государе [Иван Грозный. — Д. В.] Москва была более благочестива и многочисленна, но в 70-м году нынешнего века она была сожжена татарами¹⁸⁰, бóльшая часть жителей погибла при пожаре, и все было сведено к более тесным границам. Сохранились следы более обширной территории в окружности, так что там, где было 8 или, может быть, 9 миль, теперь насчитывается уже едва 5 миль»¹⁸¹.

Даже к 1588 году, когда в Московское государство приехал английский дипломат Джильс Флетчер, столица страны еще не залечила страшные раны: «Число домов, как сказывали мне, во всем городе, по подсчетам, сделанным по царскому указу (незадолго до сожжения его крымцами), простиралось до 41 500. Со времени осады города татарами и произведенного ими пожара (что случилось в 1571 году) земля во многих местах остается пустой, тогда как прежде она была заселена и застроена, в особенности же на южной стороне города...»¹⁸²

Расправа с видными деятелями опричнины, непосредственно виновными в московском кошмаре, произошла моментально. Как пишет Р.Г. Скрынников, «...в ближайшее время после майской катастрофы были казнены опричные бояре, подставившие монарха под удар противника и допустившие уничтожение Опричного двора в Занеглименье — второй воевода передового полка, помощник Черкасского, боярин князь Василий Темкин-Ростовский с сыном, первый воевода сторожевого полка Василий Петрович Яковлев-Захарьин, опричный кравчий Федор Салтыков»¹⁸³. И, разумеется, нашел свою смерть главный виновник поражения — князь Михаил Темрюкович Черкасский. Между ним и царем и до того установились неприязненные отношения. Тот же Скрынников намекает на возможность осознанной и заранее спланированной Черкасским мести за смерть жены и сына, убитых по приказу Ивана Грозного. Казнили еще нескольких влиятельных опричников, в том числе воеводу Петра Васильевича Зайцева из захудалого боярского рода¹⁸⁴. По свидетельству немцев-опричников Таубе и Крузе, вместе с В.П. Яковлевым насмерть забили палками его брата, земского боярина И.П. Яковлева, воеводствовалавшего в несчастливом Таллинском походе. Обвинили было в измене крупнейшего политического деятеля земщины боярина князя Ивана Федоровича Мстиславского, но, видимо, Иван Васильевич не решился сносить голову фигуре такой

величины — последнему из воеводской «старой гвардии» начала царствия, столпу государства. Тем более что Мстиславский ни от кого не бегал, а стоял за Москву вместе с покойным Бельским. Или, по мнению ряда историков, само расследование «измены» князя Мстиславского, которого демонстративно заставили признать вину, а потом быстро простили, было своего рода инсценировкой: не одним же опричникам быть виноватыми...¹⁸⁵

Но все эти расследования не должны заслонять одного факта: за московский разгром 1571 года ответственен прежде всего сам царь. Людей не хватило для обороны? А где они, эти люди? Страна еще не запустела, и есть откуда взять людей. В Ливонии главные полки? Почему они оказались в Ливонии, если вот уже несколько лет над столицей России нависает угроза с юга?¹⁸⁶ Почему она вообще идет, эта война за чужие земли, если положение собственной столицы небезопасно? Воеводы оказались слабы? Но кто поставил этих воевод? Изменники провели войска крымского хана в обход русской армии? А откуда они взялись, эти изменники? Почему их так много? Из-за чего явилось в них такое рвение? Перед лицом христианской общины за тактические просчеты отвечают военачальники, но за стратегическое поражение, столь страшное, столь унижительное, — только сам государь. Ничего подобного не было со времен Дмитрия Донского, со времен Тохтамышевой рати 1382 года. Государь Василий Дмитриевич, располагавший намного меньшими силами, чем Иван Грозный, не отдал столицу Едигею, подступавшему под самые ее стены. При Иване III враг даже издалека не угрожал ей. А Иван IV почему-то позволил врагам креста нанести удар в самое сердце державы...

Царь потерпел поражение, а опричная военная система не оправдала ожиданий царя. Более того, она чуть не привела его к гибели. Поэтому и свернута была довольно быстро. Сначала были «задвинуты» выдвиженцы, не проявившие

ни достаточной преданности, ни достаточного искусства в военном деле. Потом пришлось отказаться и от системы в целом. К этому подтолкнула царя Ивана Васильевича вторая военная гроза на юге — события 1572 года.

Девлет-Гирея ждали и готовились к новому вторжению. Иван IV готов был поступиться Астраханью и дать хану значительные «поминки», т.е. фактически дань. Однако хан, почувствовавший запах победы, требовал, помимо Астрахани, еще и казанских земель, в противном случае был настроен разорить все Московское государство.

Побережье Оки по приказу царя укреплялось. Весной в Коломне прошел смотр полков. Опричные и земские отряды объединялись под общим командованием нелюбимого государем Михаила Ивановича Воротынского. Опальный князь был идеальным главнокомандующим русского юга: опытный и храбрый человек, он отлично знал все особенности обороны «на берегу» и даже составил нечто вроде устава пограничной службы. Князь Воротынский отличился еще под Казанью в 1552 году, а полки начал водить и того раньше. Видимо, его назначение стало для Ивана Васильевича вынужденной мерой, зато для дела — наилучшим выбором.

У Воротынского под командой оказался сильный воеводский состав: Иван Васильевич Шереметев-Меньшой, князь Никита Романович Одоевский и особенно второй воевода в передовом полку князь Дмитрий Иванович Хворостинин¹⁸⁷. С русскими полками вышел также отряд иностранных наемников под командой Юрия Францбека¹⁸⁸. Скорее всего, участник сражения, Генрих Штаден, вышел в поход вместе с солдатами Францбека.

Наконец, в июле 1572 года Девлет-Гирей появился в Поочье¹⁸⁹. Армия крымского хана, по разным оценкам, насчитывала от 40 000 до 100 000 воинов. По подсчетам Р.Г. Скрынникова, русские воеводы могли противопоставить интервентам не более 30 000 бойцов, но доказательно

можно говорить лишь о 20 000 с небольшим бойцов¹⁹⁰. Но и эта оценка может быть завышенной. Штаден пишет о том, что крымцы «расписали» между собой русские земли, — кто чем будет владеть. Последнее вызывает сомнения: откуда бы опричнику, не принадлежавшему к «дворовой» верхушке, знать планы крымского хана? Скорее всего, в записках Штадена отразились устрашающие слухи, наполнившие русское общество...¹⁹¹

Впрочем, еще одного удара, подобного прошлогоднему, вероятно, могло бы хватить для полного государственного крушения России, разделения страны и низведения ее остатков до роли третьего плана в политическом театре Восточной Европы. Татарское вторжение 1572 года угрожало повтором Батыева разорения, случившегося более чем за 330 лет до того.

И Русская цивилизация бросила последнюю горсть защитников на направление главного удара. Терять им было нечего. В случае разгрома — смерть. В случае отступления — смерть, поскольку татар больше некому было останавливать... Свет клином сошелся на православном воинстве, насмерть вставшем против Девлет-Гирея в обезлюдивших южных землях. Если бы они тогда дрогнули, если бы они тогда побежали, быть может, 1572 годом от Рождества Христова и закончилась бы история России.

Сначала крымцев счастливо отбили от переправ через Оку. Но потом им все же удалось перейти реку вброд недалеко от Серпухова, уничтожив сторожевой отряд. Русские заслоны не могли сдержать наступление татар, устремившихся к Москве. У воеводы Федора Васильевича Шереметева не выдержали нервы, и он бежал с поля боя, бросив оружие... Но крымцев неутомимо преследовал князь Дмитрий Хворостинин, выбирая удобный момент для удара. Наконец, он напал на арьергард Девлет-Гирея и рассеял его. Хану пришлось приостановить движение к Москве, вступить в бой с полком Хворостинина, а в это время князь

Воротынский развернул полевой «гуляй-город» — передвижную крепость из деревянных щитов на возах.

Итак, дорогу на русскую столицу перекрыли основные силы армии Воротынского, расположившиеся в районе села Молоди. Первый приступ татарский был отбит огнем из орудий и пищалей. Теперь судьба сражения, Москвы и всей державы должна была решиться на поле у «гуляй-города». Поэтому крымцы в течение нескольких дней, то устраивая передышки, то вновь тараня русские позиции, с остервенением штурмовали нашу крепость. Атакующие несли колоссальные потери от огня государевых ратников, однако их решимость победить не ослабевала.

Штаден сообщает: «Мы захватили в плен главного военачальника крымского царя Дивей-мурзу и Хаз-Булата. Но никто не знал их языка. Мы [думали], что это был какой-нибудь мелкий мурза. На другой день в плен был взят татарин, бывший слуга Дивей-мурзы. Его спросили — как долго простоит [крымский] царь? Татарин отвечал: что же вы спрашиваете об этом меня! Спросите моего господина Дивей-мурзу, которого вы вчера захватили. Тогда было приказано всем привести своих пленников. Татарин указал на Дивей-мурзу и сказал: “Вот он — Дивей-мурза!” Когда спросили Дивей-мурзу: “Ты ли Дивей-мурза?”, тот отвечал: “Нет! Я мурза невеликий!” И вскоре Дивей-мурза дерзко и нахально сказал князю Михаилу Воротынскому и всем воеводам: “Эх вы, мужичье! как вы, жалкие, осмелились тягаться с вашим господином, с крымским царем!” Они отвечали: “Ты [сам] в плену, а еще грозишься”. На это Дивей-мурза возразил: “Если бы крымский царь был взят в полон вместо меня, я освободил бы его, а [вас], мужиков, всех согнал бы пленниками в Крым!” Воеводы спросили: “Как бы ты это сделал?” Дивей-мурза отвечал: “Я выморил бы вас голодом в вашем гуляй-городе в 5—6 дней”. Ибо он хорошо знал, что русские забивали и ели своих лошадей, на которых они должны выезжать против врага. Русские пали тогда духом»¹⁹².

В русском лагере действительно не хватало воды и пищи. Однако следующая попытка штурмовать «гуляй-город» встретила мощный контрудар. В завязавшемся бою татар опять отбросили, положив нескольких военачальников¹⁹³. Девлет-Гирей получил известие о движении крупных сил князю Воротынскому на подмогу. По всей видимости, русское командование подкинуло «фальшивую грамоту», — никаких резервов для спасения Москвы не было. Все, что можно, заранее стянули под команду Воротынского. Однако крымский хан мог этого и не знать. Угроза нового большого сражения, видимо, подтолкнула его к назревшему решению: отступить...¹⁹⁴

Так была спасена страна.

Николай Михайлович Карамзин пишет: «Сей день принадлежит к числу великих дней воинской славы: россияне спасли Москву и честь; утвердили в нашем подданстве Астрахань и Казань; отомстили за пепел столицы и если не навсегда, то по крайней мере надолго уняли крымцев, наполнив их трупами недра земли...»¹⁹⁵

Это далось ценой необыкновенной стойкости, мужества и больших потерь. Тот же Штаден пишет: «Все тела, у которых были кресты на шее, были погребены у монастыря, что около Серпухова. А остальные были брошены на съедение птицам... Все русские служилые люди получили придачу к их поместьям, если были прострелены, посечены или ранены спереди. А у тех, которые были ранены сзади, убавляли поместий, и на долгое время они попадали в опалу...»¹⁹⁶

Опыт боевых действий против Девлет-Гирея показал: даже если соединить опричные и земские полки, этих сил едва-едва хватает, чтобы отразить крымцев. Дальнейшее разделение страны и, что еще опаснее, армии в любой момент могло вновь привести к катастрофическим последствиям.

Государь Иван Васильевич вплоть до полного отражения крымцев сидел в Новгороде Великом, пережидая бурю. За-

тяжной характер боев на юге, недостаток сил, и, напротив, удачный пример сотрудничества опричных воевод с земскими показывали со всей очевидностью: опричнина как военная система бессмысленна и опасна. Ее эффективность оказалась иллюзорной, зато вред — явным. Это, по всей видимости, нетрудно было понять хоть в Москве, хоть в Новгороде. Достаточно было почитать «отписки»¹⁹⁷ воевод, по обязанности составлявшиеся для Разрядного приказа и самого государя.

Между тем царь замышлял новый взрыв военной активности. Ему требовалось сплочение войска и, в частности, командного состава. В казанских землях опять бушевало восстание. Планировался новый большой поход в Ливонию. После поражения Девлет-Гирея многое показалось возможным, и государь вновь принялся азартно тратить полки в мясорубке большой войны... Но опричнина была в 1572 году отменена. Видимо, осенью. Большинство историков грозненской эпохи сходится на том, что главным поводом для отказа от нее стали военные события 1571—1572 годов; автору этих строк остается лишь присоединиться к сему здравому мнению: война породила опричные порядки, война же их и дискредитировала¹⁹⁸.

Все-таки боярско-княжеская знать представляла собой настоящую «расу господ», выпестованную на протяжении многих поколений. С детства ее представители проникались ролью правящего сословия, рано узнавали от родителей основные принципы современной военно-административной практики, могли воспользоваться опытом предков. Узкий круг служилой аристократии продуцировал лучших в России управленцев и военных командиров. Попытка заменить их выдвигенцами из нижних слоев военно-служилого класса потерпела крах: не тот материал поставляла дворянская масса, качеством пониже, попроще... Можно ведь и кухарку заставить управляться с государственными делами, но они идут существенно лучше, когда ими занимается тот, кого

сама жизнь предназначила для этого. Русская служилая аристократия XVI столетия, энергичная, разворотливая, выносливая, мужественная, готовая к самопожертвованию¹⁹⁹ дает сто очков вперед высшему российскому дворянству, скажем, первой половины XIX века. Люди времен Александра I успели привыкнуть к тому, что им можно не служить на великого государя, не готовить себя к тяготам военной работы или грузу администрирования, изнежились, стали стремительно превращаться в обломовых... Дворянство восприняло право на «вольность», дарованное ему матушкой Екатериной II, как великое благо; а с него начинается история гибели наших дворян. Сначала они стали социально ненужным элементом, — что полезного эти люди умели делать, кроме царской службы? — а потом утратили само умение служить. Лучших из них, самых твердых, самых отважных, прикончили буденновские сабли. Всех прочих погубила вольность... Но в грозненскую эпоху о ней и речи быть не могло. Первая и самая сладкая вольность удельного периода потрескивала косточками в страшной мясорубке, а на вторую, либеральную и просвещенную, рассчитывать тогда не приходилось никому. В этих условиях наша знать была очень хороша, и Россия должна бы ею гордиться; но все, что существовало ниже ее уровня, хотя бы и среди «служилых людей по отечеству», заметить высшую знать на ее месте явно не могло. Конечно, она была несколько избалована обстоятельствами «боярского правления», лелеяла проекты реорганизации центральной власти, проявляла своеволие и даже принималась строить заговоры. Капризы обходились ей дорого, Иван III, Василий III и — до поры до времени — Иван IV ставили ее на место *адекватными методами*. Твердость государевой руки была благодетельна: аристократия, так же, как и любой другой социальный слой, участвует в общественном разделении труда и не может иметь монополии на власть. Во всяком случае, вся полнота военно-политической вла-

сти в Русской православной державе принадлежит монарху, а не аристократической верхушке, как бы ни манили ее привилегии польско-литовской магнатории, как бы ни хотелось ей сделать из монарха пожизненного премьер-министра. При всем том наша знать никак не заслуживала ни опричного террора, ни страшного унижения грозненской эпохи. И, главное, не достойна была она разрушения той социальной машины, которая составляла самое суть ее иерархического устройства. Иван Васильевич решил по одному своему произволу поднимать из дворянских низов военачальников, дипломатов, судей и равнять их с высшей знатью²⁰⁰. Но военное командование и административная служба составляли смысл социальной работы аристократии, и, следовательно, у нее были все права претендовать на рекрутирование управленцев *только из ее среды* и допускать противное лишь в виде исключения, малым ручейком, в честь очевидных заслуг перед державой...

Итак, Иван IV попытался эту систему сломать и на ее место поставить новую. В начале 70-х годов XVI столетия он оказался в ситуации, когда армии его были разгромлены, страна пришла на грань мощного социального взрыва, грозный неприятель добрался до столицы, а новая система не давала монарху возможности справиться со всеми этими напастями. Опричнина «закрывается», служебно-родовая организация правящего класса сохраняется, государь взамен получает право косметических вторжений в его структуру²⁰¹, но более никогда не посягнет на фундаментальные свойства старой системы...

«Когда эта игра была кончена, — пишет Штаден, — все вотчины были возвращены земским, так как они выходили против крымского царя. *Великий князь долее не мог без них обходиться*. Опричникам должны были быть розданы взамен этого другие поместья»²⁰². Курсивом здесь выделено главное: без собственной знати, организованной именно

так, как сложилось еще при Василии III, Иван Васильевич *не мог обходиться*. Ему оставалось только признать это.

Однако всякий эксперимент и всякий поворот на пятный имеют свою цену. Как уже говорилось, когда-то Иван IV получил по наследству нечто вроде гоночного автомобиля с чудовищно сложной системой управления. Так вот, после всех попыток упрощения этой системы, после всех общественных и военных «аварий» этот автомобиль пришел в полуразбитое состояние и нуждался в ремонте. Но пока продолжалась Ливонская война, у Московского государства не было времени на необходимую передышку, накопление новых сил, восстановление разрушенного. Автомобиль с каждым годом ездил все медленнее, а на поворотах из него сыпались гайки. Лишь в царствование Федора Ивановича страна получила долгожданную передышку. Правда, слишком краткую и явно недостаточную для «капремонта».

В военном отношении это означало следующее: нет ни достаточного количества талантливых военачальников, ни достаточного количества простых воинов.

Относительно первого показательна оценка Джильса Флетчера: «Главные начальники, или полководцы... по названию их и степеням следующие: во-первых, большой воевода, то есть старший военачальник, или генерал-лейтенант, подчиненный прямо царю. Обыкновенно он избирается из четырех главных дворянских домов в государстве, впрочем, так, что выбор делается не по степени храбрости или опытности в делах воинских; напротив, считают вполне достойным этой должности того, кто пользуется особым значением по знатности своего рода и вследствие этого расположением войска, хотя ничем более не отличается. Стараются даже, чтобы эти два достоинства, то есть знатность происхождения и власть, никак не соединялись в одном лице, особенно если в нем заметят ум или способность к делам государственным...»²⁰³ Большим воеводой, или гене-

ралом, бывает теперь обыкновенно в случае войны один из следующих четырех: князь Федор Иванович Мстиславский, князь Иван Михайлович Глинский, Черкасский и Трубецкой²⁰⁴. Все они знатны родом, но не отличаются никакими особенными качествами, и только Глинский, как говорят, обладает несколько лучшими дарованиями. Чтобы заменить этот недостаток воеводы, или генерала, к нему присоединяют другого, также в качестве генерал-лейтенанта, далеко не столь знатного родом, но более замечательного по храбрости и опытности в ратном деле, так что он распоряжается всем с одобрения первого. Теперь главный у них муж в военное время некто князь Дмитрий Иванович Хворостинин, старый и опытный воин, оказавший, как говорят, большие услуги в войнах с татарами и поляками. Под воеводой и его генерал-лейтенантом находятся еще четверо других, которые командуют всей армией, разделенной между ними, и могут быть названы генерал-майорами... Каждый из четырех последних имеет в своем распоряжении свою четверть, или четвертую часть, из коих первая называется правым полком, или правым крылом, вторая левым полком, или левым крылом, третья ручным полком или разъединяющим отрядом²⁰⁵, потому что отсюда посылаются отдельные лица для внезапных нападений, выручки или подкрепления, смотря по обстоятельствам; наконец, четвертая называется сторожевым полком, или охранным отрядом...»²⁰⁶ Флетчер мог пользоваться сведениями Джерома Горсея, давно находившегося на территории Московского государства, мог просмотреть архивы Московской компании англичан и, несмотря на отдельные неточности по части военного дела в России, он выглядит в этой области достаточно осведомленным человеком. Важно не перечисление полков и не звания воевод, а порядок их назначения на службу. Всякий англичанин в соответствии с жесткими лондонскими инструкциями, попадая в Россию, так или иначе исполнял разведочную службу. Флетчеру сам Бог велел интересоваться

русской армией и русскими военачальниками. Вследствие этого словам британского дипломата стоит доверять. Из них видно: либо верхушка российского военно-служилого сословия вообще не отличалась выдающимися командными способностями — а после Казани, Полоцка, Молодей в это трудно поверить, либо в результате грозненских войн, опричных и постопричных казней, а потом удаления с видных постов и самих бывших опричников-выдвиженцев из числа людей худородных (в первые годы правления Федора Ивановича) армия оскудела командирами искусными и храбрыми²⁰⁷.

Как уже говорилось, в 1577 году Иван IV во втором послании к Андрею Курбскому высказался в том духе, что хороших воевод у него хватает. Между казнями 1573 года и составлением этого послания промежуток невелик. Кое-что известно о потерях в воеводском корпусе, но, в сущности, они были незначительны. Самой серьезной из них стала казнь бывшего опричного воеводы, опытного военачальника Василия Ивановича Умного-Колычева в 1575 году, да кончина еще одного незаурядного воеводы, князя Юрия Ивановича Токмакова в 1576 году²⁰⁸. В целом же ущерб, нанесенный армии во время боевых действий и от казней, несравним с утратами 1565—1573 годов. Значит, одно из двух: либо государь делает хорошую мину при плохой игре, либо лучшие полководцы были выбиты в последние годы войны за Ливонию — позже, чем появилось второе царское послание Курбскому.

Период между 1578 и 1583 годами — самый несчастливый для русской армии, наверное, за все XVI столетие. Подробнее о нем будет рассказано ниже, здесь же хотелось бы остановиться на потерях в списке военачальников.

В 1577 году скончался от ранения Иван Васильевич Шереметев-Меньшой. В 1578 году под Венденом (Кесью) пали князь Василий Андреевич Сицкий, окольный Василий Федорович Воронцов, дворянин «из Слободы» (т.е. прибли-

женный к царю) Данила Борисович Салтыков, князь Михаил Васильевич Тюфякин. Тогда же попали в плен князь Петр Иванович Татев, князь Петр Иванович Хворостинин, князь Семен Васильевич Тюфякин. В 1579 году Стефан Баторий взял Полоцк. В плену оказались тамошние воеводы: князь Василий Иванович Телятевский (когда-то он возглавлял основные силы опричной армии!), князь Дмитрий Иванович Щербатый, Петр Иванович Волинский²⁰⁹ да Иван Григорьевич Зюзин²¹⁰. В крепости Сокол убит Борис Васильевич Шеин и попал в плен Федор Васильевич Шереметев. Тогда же погибли князь Михаил Юрьевич Лыков и князь Андрей Дмитриевич Палецкий. В 1580 году, после падения Великих Лук и ряда других укрепленных пунктов, русская армия потеряла пленными князя Федора Ивановича Лыкова, князя Михаила Федоровича Кашина, Юрия Ивановича Аксакова, Василия Петровича Измайлова, Василия Бобрищева-Пушкина. В Заволочье умер от ран Василий Юрьевич Сабуров и был захвачен поляками Иван Степанович Злобин. В результате поражения русского полевого корпуса под Торопцом думный дворянин Деменша Иванович Черемисинов и Григорий Афанасьевич Нащокин попали в плен. В 1581 году перебежал к литовцам стольник Давыд (Нежданович) Бельский. Литовцы взяли Холм, и в плену оказались князь Петр Иванович Борятинский да Меньшой Панин. Под Старой Руссой был пленен князь Василий Муса Петрович Туренин²¹¹. И это далеко не полный список²¹². Особенно неприятно то, что выбыли из строя И.В. Шереметев-Меньшой, князь М.В. Тюфякин, князь В.П. Туренин, князь М.Ю. Лыков, князь И.С. Лобанов-Ростовский, князь В.И. Телятевский, князь П.И. Татев, князь П.И. Хворостинин и Б.В. Шеин. Все это опытные люди, костяк воеводского корпуса. Утрата их для армии стоила дорого.

А в целом это колоссальные потери. В 1577 году ни Курбский, ни царь представить себе не могли, что такое возможно. Приходится вернуться к тезису об отсутствии в Москов-

ском государстве надежных и талантливых полководцев в постопричное время и все-таки отвергнуть его. Прав-то был, хотя бы отчасти, Иван Васильевич. А «первый русский диссидент» ошибался²¹³. Та же служилая аристократия исправно поставляла государю высшее офицерство. Вовсе не «калики» возглавляли русские полки под Венденом²¹⁴. И уж совсем не «калики» отстаивали в 1581 году Псков от нашествия Батория. К началу последнего раунда войны с западными соседями у Московского государства оставалось еще достаточно воевод для ведения боевых действий. Пусть их состав и не был столь же «звездным», с каким Иван Грозный начинал Ливонскую войну, но армия отнюдь не была обезглавлена. У него еще оставался опытнейший Иван Мстиславский, старик, битый палкой по подозрению в измене и на несколько лет отставленный от дел; стойкий Иван Шуйский, который также пребывал в изрядном возрасте; деятельный Иван Шереметев, сложивший голову на государевой службе; гениальный Дмитрий Хворостинин, впоследствии жестоко униженный царем за то, что не дошел до врага из-за «великих снегов». И все они честно работали, закрывая собой Россию. Просто в середине 60-х вооруженные силы Московского государства были способны безболезненно возместить потери в командном составе, хотя бы они и были значительно больше. А к концу 1570-х полководцев-«звезд» под рукой осталось мало, государю приходилось использовать в основном тех, кто считался дюжину лет назад... — как бы получше выразиться? — наверное, вторым и третьим составом. «Дублерами» по футбольной терминологии. Растратив и этих, царь оказался на безрыбье...

Одним безотказным Дмитрием Хворостининым всех брешей в обороне великой державы закрыть невозможно. Учитывая даже ветерана Шуйского.

В недостатке живой силы позволяет убедиться история последнего десятилетия Ливонской войны и, в частности,

сообщения ряда иностранцев, совершенно не связанных друг с другом.

Датский дипломат Якоб Ульфельд в 1578 году проехал половину России. По дороге он вдосталь навиделся нищеты, безлюдья, запустения земель и описал все это в красках²¹⁵.

Тот же Антонио Поссевино отмечает: «Московскому князю нужно было размещать гарнизоны в чрезвычайно удаленных друг от друга областях и в многочисленных крепостях, а войну вести почти с помощью только своих солдат в разных местах и в течение многих лет. Защитники крепостей оставляли дома жен бездетными. Если кто-нибудь из них погибал, его место занимал другой, — в результате народ очень поредел. К тому же нужно было еще обучать стрельцов... которые пользуются небольшими ружьями. Этот вид оружия был неизвестен его (Ивана IV. — Д. В.) предкам, пользовавшимся почти только луками и стрелами. В войско набирают каждого десятого. Они становятся либо княжескими телохранителями, либо служат на войне, либо размещены по гарнизонам крепостей. Дома они оставляют жен и детей, и иногда, в случае их гибели, дома мало-помалу лишаются людей. Многих погубила чума, о которой никогда до этого времени не было слышно в Московии из-за очень сильных здешних холодов и обширных пространств. Многочисленные войны, казни многих тысяч людей (даже знатных), постоянные набеги татар, сожжение ими 12 лет тому назад столицы (к этому можно прибавить постоянные победы короля Стефана (Батория. — Д. В.) в течение последних трех лет) довели князя до такого состояния, что его силы можно считать не только ослабленными, но почти подорванными. Известно, что иногда на пути в 300 миль в его владениях не осталось уже ни одного жителя, хотя села и существуют, но они пусты. В самом деле, ровные поля и молодые леса, которые повсюду выросли, являются свидетельством о ранее более многочисленных жителях»²¹⁶.

Во второй половине 1570-х воеводы, не боясь царского гнева, угрожавшего опалой, ссылкой и казнью, отказывались решать боевые задачи, докладывая, что сил явно не хватает. Гарнизоны самовольно покидали крепости. Дети боярские бежали из полков. В 1579 году князь Василий Иванович Ростовский и Михаил Иванович Внуков разыскивают детей боярских, которые со службы «изо Пскова сбежали». Р.Г. Скрынников нашел множество документальных свидетельств разорения русских земель, в частности Новгородчины, особенно пострадавшей от войны, голода и массовых эпидемий. Учитывая лишь строго документированные потери Новгорода Великого с пригородами, опричные казни и разгром 1570 года обошлись в 2700—2800 жизней, а стихийные бедствия и потери от боевых действий стоили намного больше²¹⁷. Б.Н. Флоря пишет о том, что в Деревской и Шелонской пятинах, судя по писцовым книгам, «население составляло 9—10% от того количества, которое проживало здесь в начале XVI столетия»²¹⁸. До наших дней дошел фронтовой архив небольшого корпуса²¹⁹, стоявшего в 1580 году на великолукском направлении и подчиненного князю Василию Дмитриевичу Хилкову. Бумаги красноречиво свидетельствуют о распространении «нетства», т.е. невыезда детей боярских на место службы. Вот характерные места из грамот Разрядного приказа, адресованных командиру корпуса В.Д. Хилкову: «Писали к нам в Невля воеводы Меньшой Колычев с товарищи, что от них *с Невля дети боярские нижегородцы и невляне розбежались* (курсив мой. — Д. В.), а на Невле с ними людей мало. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тотчас послали на Невль детей боярских из коломнич, да из ярославцов пятьдесят человек, выбрав лутчих...» (20 августа 1580 г.); или: «Писали есте к нам и неты детей боярских ярославцов имена, которые к вам на службу не приехали, к нам прислали, и *мы тех нетчиков по поместьям сыскали пять человек и, бив их кнутом на Москве, послали к вам* (курсив мой. — Д. В.) з зборщиком

с Смиряем с Симановым, и список есмь тех детей боярских к вам послали с Смиряем ж. И как Смиряй тех нетчиков... к вам приведет, и вы б, по списку пересмотря, тем детем боярским ярославцем велели быти на нашей службе с собою... А вперед бы есте того берегли накрепко, *чтоб дети боярские от вас с нашей службы не разъезжались* (курсив мой. — Д. В.)» (21 августа 1580 г.)²²⁰. Корпус, испытывавший очевидные сложности с комплектованием, был разгромлен под Торопцом в сентябре 1580 года. По свидетельству поляков, участников той кампании, полки Хилкова не проявили достаточной стойкости в бою. Немудрено: их с таким трудом собирали, доводили до фронта... там явно не хватало бойцов.

Таким образом, московская сила была перемолота ливонскими жерновами. Великие армии без следа сгнули, и Московское государство едва-едва в состоянии было наскрести малые полки для пассивной обороны. Между тем казанские земли пылали очередным восстанием, южная «украина» по-прежнему небезопасна была от крымцев. В начале 1580-х слово «война» и слово «смерть» стали для России синонимами.

Остается рассказать о том, какова была езда государя Ивана Васильевича на «гоночном автомобиле», который он сам же и разломал. В таких-то условиях!

Ливонская война стала одновременно делом чести и идеей фикс Ивана Васильевича. В 1570-х царь пытался добиться перелома личным участием в боевых действиях. Это вновь показывает, что, несмотря на изменчивый, неровный нрав и впечатлительный характер, государь не был тем фатальным трусом, каким его порой изображают. Вообще, идея была плодотворной: когда сам царь возглавлял войска, отправляясь в поход, московской армии сопутствовала удача; воеводы проявляли чудеса храбрости и рвеня — то ли от страха перед крутым нравом царя, то ли исполнившись уверенности в успехе кампании, если уж сам государь взял-

ся за дело. Да и тактиком Иван Васильевич проявил себя недюжинным. В 1572 году он возглавил зимний поход на Ливонию, в результате которого была взята Пайда (Вайссенштайн). При штурме крепости 1 января 1573 года «на пролом» были расписаны виднейшие опричники «первого призыва», среди них Михаил Андреевич Безнин, Роман Васильевич Алферьев, Василий Григорьевич Грязной... Тогда же погиб главный «фаворит» государя Малюта Лукьянович Скуратов-Бельский. Царь, видимо, хотел приучить старых своих любимцев к новому положению: мол, будете служить как все, а если надо, жизнь ставить на кон тоже придется на общих основаниях. Удачным продолжением взятия Пайды стал поход объединенной армии Магнуса Ливонского и русского корпуса Н.Р. Юрьева на Каркус. Эта крепость также пала. А вслед за ней — мыза Роба.

Несмотря на успех, у Ивана Васильевича не доставало оснований быть довольным. Пайда — не Полоцк. Ценность Пайды на два уровня ниже. Каркус — еще менее ценный приз. Зато корпус князя И.Ф. Мстиславского, отправленный под Колывань (Таллин), потерпел поражение и отступил, понеся большие потери. Погиб один из воевод, князь Иван Андреевич Шуйский. Подводя итоги, можно сказать: результат похода, пусть и положительный, был довольно скромным. Надо полагать, иного ожидал государь, впервые за всю войну выйдя с полками в Ливонию...

Между тем продолжать наступление в Ливонии явно было нечем. Восстание на казанских землях и напряженные отношения с Крымом не позволяли сконцентрировать значительные резервы для захвата ливонских территорий, оставшихся неподконтрольными. Русские воеводы предприняли в середине 1570-х несколько удачных экспедиций на этом фронте, действуя сравнительно небольшими силами. В 1575 году Н.Р. Юрьеву удалось взять Пернов, правда, положив немало своих бойцов на штурме. В 1576 году капитулировал порт Гапсаль, города Коловерь, Лиговерь и

Падца. Таким образом, наши армии медленно, но верно выталкивали шведов из Ливонии.

Однако такие стратегически важные пункты, как Рига, Таллин, Венден, стояли крепко. Очередная попытка взять Таллин провалилась весной 1577 года.

Вероятно, именно последняя неудача вызвала у Ивана Васильевича желание вновь самому взяться за Ливонский театр военных действий и исправить создавшуюся ситуацию.

Летом 1577 года он выходит с большой армией в Южную Ливонию. Сдавшимся городам и замкам царь обещает оказать милость и, действительно, мягко обходится с их жителями. Напротив, сопротивление подавляется с большой жестокостью. Впрочем, польско-литовские гарнизоны малочисленны и не способны противопоставить русской мощи эффективную оборону. Где-то добрыми обещаниями, а где-то силой Иван Васильевич приобретает несколько городов, в том числе Режицу и Чествин.

Неожиданной помехой на пути к осуществлению царских планов оказывается Магнус, правитель буферного королевства Ливонского²²¹. Доселе он являлся верным союзником Московского государства. Но в 1577 году Магнус проявляет излишнюю самостоятельность. Он договаривается с местной знатью о передаче городов ему, т.е. в состав его королевства. Многие идут на это с радостью, опасаясь прямого захвата русскими войсками и власти переменчивого нравом Ивана IV. Бояться им было чего: когда-то жители Юрьева-Ливонского (Дерпта или Тарту) и Полоцка жестоко пострадали от Ивана Васильевича, а молва о новгородском разгроме 1570 года и бесчинствах опричников под Таллином получила широкое распространение. Прибалтика наполнена была летучими листками и публицистическими сочинениями о зверствах Ивана IV, частично преувеличенных, но и в той части, где сведения о суровости царского характера были верны, хватало подробностей, способных оледенить

самое храброе сердце. Уже после окончания войны выйдет книга немца-пастора Павла Одерборна, живописавшего кровопийство русского государя с небывалыми выдумками, в духе какого-то ветхозаветного суперзлодейства. Одерборн врал изрядно; однако труд его поучителен тем, что в нем отразился панический ужас ливонского населения перед властью Ивана Грозного.

К сожалению, отчасти этот ужас был оправдан...

Магнусу один за другим сдаются города и замки, однако государь Иван Васильевич не рад этому. Ведь он сам явился «в свою вотчину»! К чему теперь посредник между ним и местным населением, когда русские пушки способны уговорить кого угодно? К чему буфер между ним и плательщиками податей, держателями земель, каковые могут быть отданы русским помещикам? Взятие городов обойдется дороже, чем их мирное подчинение? Но, во-первых, для силы, собранной в 1577 году, потери не страшны и, во-вторых, двойное подчинение, хотя бы и установленное мирным путем, недорого стоит в глазах Ивана IV.

Государь отправляет ливонскому королю гневное послание. Там он говорит ясно: у России сейчас достаточно сил для очистки всей страны без вмешательства Магнуса; если ему мало владений, доставшихся раньше, он может убираться к себе в Данию или отправиться на воеводство в Казань. Полки Грозного занимают Магнусовы новые приобретения²²². Сам король ливонский со свитой по требованию Ивана Грозного выходит из сдавшегося ему Вендена. Царь всячески унижает и бесчестит его²²³, подвергает аресту и некоторое время держит в ожидании смертной казни. Потом прощает и даже дает небольшой удел. Но отношения между прежними союзниками, как видно, оказались капитально испорченными. Более того, Венден затворяет двери перед царем и начинает артиллерийский обстрел русского лагеря. Город берут штурмом. Инициаторы сопротивления подрывают себя порохом, с прочими русское командова-

ние обходится весьма неласково; впрочем, население иных городов, сдавшихся Магнусу, а потом занятых русскими войсками, также стало свидетелем серии казней. Казнили приближенных короля...

В итоге русские войска устанавливают контроль над тремя десятками городов и замков. Но жестокость по отношению к тем, кто защищал свои города, и суровость, проявленная Иваном Васильевичем в «деле Магнуса», настроили местное население неблагоприятно по отношению к новым властям. В дальнейшем переход земельных владений к русским помещикам явно не улучшил отношений. С самого начала Ливонской войны местные жители по большей части находили мало поводов радоваться русскому завоеванию и поддерживать наши армии; теперь они получили еще несколько весомых аргументов в пользу мятежа. Если наш государь хотел навеки закрепить за Россией этой край, наверное, ему стоило подумать о более мягкой и более гибкой политике на присоединенных землях. Вероятно, несколько большая мягкость была уместна и в отношении Магнуса²²⁴. Да, тот повел себя как авантюрист, пытаясь спекулировать на «русской угрозе». Но слабый и своевольный союзник все же намного лучше, нежели открытый враг.

Вся военная кампания 1577 года уподоблена была масштабному театрализованному представлению. Так бывало и раньше. Например, походу 1562—1563 годов предшествовал крестный ход, а также иные события, придавшие военной кампании характер борьбы против поругания веры. Но тогда главную роль во всем действе играло православие, и было это вполне справедливо. Теперь же основным действующим лицом государь делает не веру, а себя самого.

Еще до начала боевых действий Иван Васильевич прислал вице-регенту князю Александру Полубенскому, начальствовавшему над силами Речи Посполитой в Ливонии, торжественное послание. Оно послужило своего рода «третьим звонком». В послании царь сообщает о намерении управить

дела в «своих вотчинах» ливонских, а потому предлагает вывести все польско-литовские гарнизоны, дабы предотвратить лишние конфликты между Московским государством и Речью Посполитой. Основной смысл: «Всем будет лучше, если ваши войска подобру-поздорову уйдут восвояси».

Но это, так сказать, «сухой остаток», голая суть. Между тем письмо государя необыкновенно обширно и содержит философические рассуждения. Мало того что Полубенский, участвовавший в военной экспедиции на Изборск, в ходе которой православные церкви подверглись ограблению, ставится на одну доску с вероотступниками и предводителями бродяг, т.е. сущей уголовщиной. Ему еще и предъявляют полную неправомерность сопротивления государю, который является оружием воли Господней. А именно к этому ведет дело Иван Васильевич, помещая длинное историко-философское отступление о сути государства и государственной власти. Б.Н. Флоря комментирует его слова следующим образом: «...царство²²⁵ превращается в избранное орудие Божьей воли, утверждающее во всем мире истинную веру. Послание Грозного производит впечатление полемики со сторонниками иных взглядов, которые, считая государство созданием дьявола, сомневались в его высоком назначении. Доводы царя должны были эти сомнения рассеять»²²⁶.

Зачем понадобилась вся эта риторика? Ради одного лишь устрашения противника? Ради вразумления заблудшего человека? Князь Полубенский, человек не юный, в делах войны и большой политики — тертый калач, вряд ли мог быть напуган или же вразумлен образчиком русской изящной словесности того времени. И государь, конечно, понимал это. Но для задуманного им спектакля письмо Полубенскому послужило ярким началом; Иван IV загодя позаботился о том, чтобы произвести эффект на зрителей, как заботится светская дама о роскошном наряде, отправляясь на бал.

Во время военной кампании он милует и казнит широкими мазками, судит ливонского короля и ставит его претензии ни во что, устанавливает власть истинной веры над целой страной и, ликуя, пирует под занавес.

По окончании похода государь Иван Васильевич, завершая «постановку», пишет горделивое письмо князю Курбскому: «Вы ведь говорили: “Нет людей на Руси, некому обороняться”, — а ныне вас нет; кто же нынче завоевывает претвердые германские крепости? Это сила животворящего креста, победившая Амалика и Максентия, завоевывает крепости. Не дожидаются бранного боя германские города, но склоняют головы свои перед силой животворящего креста! А где случайно за грехи наши явления животворящего креста не было, там бой был. Много всяких людей отпущено [из плена]²²⁷: спроси их, узнаешь... Писал ты нам, вспоминая свои обиды, что мы тебя в дальноконные города как бы в наказание посылали, — так теперь мы со своими седидами и дальше твоих дальноконных городов, слава богу, прошли и ногами коней наших прошли по всем вашим дорогам — из Литвы и в Литву, и пешими ходили, и воду во всех тех местах пили, — теперь уж Литва не посмеет говорить, что не везде ноги наших коней были. И туда, где ты надеялся от всех своих трудов успокоиться, в Вольмер, на покой твой привел нас Бог: настигли тебя, и ты еще дальноконнее поехал...»²²⁸

Другие изменники московские, активно помогавшие неприятелю, — Тимофей Тетерин, да прежние государевы опричники Таубе и Крузе, — получили еще более издевательские письма.

Гетман Ходкевич удостоился послания, равнозначного фамильярному похлопыванию по плечу. Общий смысл его: не стоит расстраиваться, убытка никакой операция московских войск не нанесла (читай: поскольку вся занятая территория все равно не принадлежит Речи Посполитой), да и пора бы начать переговоры «...о покое христианском». Короля Стефана Батория царь ставил в известность о ре-

зультатах своего похода и призывал «досаду отложить», поскольку не при нем эта война началась, да и все происходящее на ливонских землях — не его, Батория, дело²²⁹. Иван Васильевич со вкусом объясняет королю, какие политические действия тому «непригоже» предпринимать, не видя в нем противника, достойного серьезного отношения. Он не столько просит Стефана Батория о начале мирных переговоров, сколько повелевает ему, «не мешкая», прислать послов.

В Московском государстве по городам и областям рассылаются царские послания с известиями о приобретении новых земель и городов в Ливонии. Об этом можно судить по неофициальным летописным памятникам того времени: в них вошли известия об удачных походах середины 1570-х годов, причем переданы они примерно одинаковыми словами. В собрании ГПИБ есть рукописный сборник, содержащий краткий летописец, который представляет собой компиляцию сведений из разных источников, совершенную в 1735 г. Этот летописец ранее находился в библиотеке П.В. Щапова, поэтому можно условно назвать его Щаповским. В состав Щаповского летописца вошли отрывки из летописного памятника, относящегося приблизительно к 1610-м или 1620-м годам. От 1570-х годов в нем 7 кратких сообщений, причем 5 из них отмечают взятие различных ливонских городов. События похода 1577 года разделены на два сообщения. От 7085 года (верная дата): «Взять Куканаус и иных 24 города»; от 7087 года (явно ошибочная дата): «Ходиль государь и вся²³⁰ Свейского короля 27 городов»²³¹. Это, очевидно, связано с тем, что Иван IV не ограничился отправкой в Россию одного послания, но, впечатленный собственными успехами, велел разослать из ставки целых два: после падения Кокенгаузена (Кокнесе) и в конце кампании.

По этой эпистолярной игре можно понять две вещи. Во-первых, государь видит в последнем своем походе исполнение воли Божьей и, одновременно, решающее усилие по

овладению ливонским наследством. То, что Рига и Таллин не открыли ворота перед русскими полками, по всей видимости, не особенно волнует его. Надо полагать, Иван Васильевич считал их падение делом времени: для него прибалтийская постановка была завершена, а сцены, выпавшие из нее при последнем сокращении сценария, можно вписать и постфактум... Во-вторых, Иван Васильевич уверовал в свою непобедимость, подобно тореадору, щелкающему бешеного быка по носу.

Что ж, тактически действия державного полководца безупречны, результат вторжения в Ливонию — явно позитивный. Но стратегически итоги масштабного вторжения в Ливонию оказались ничтожными. Пик успехов русского оружия в этой войне был пройден пятнадцатью годами ранее, после взятия Полоцка. Формально, в 1577 году под контролем у московского государя оказалась значительно бóльшая территория, нежели в 1563-м. Но, во-первых, после катастрофы 1571 года любая компенсация на Западе представляется далеко не достаточной. Во-вторых, все занятые города оптом не стоили одного Полоцка с прилегающими землями. Невозможно из сотни карамелек слепить шоколадный торт! В-третьих, внутренние области России к тому времени пришли в такое состояние, когда любую наступательную войну необходимо прекратить, поскольку экономический и демографический ресурс на исходе. Наконец, в-четвертых, последние завоевания оказались непрочными: не доставало сил, чтобы их удержать. Вскоре после того, как русская армия покинула занятые ею земли, неприятель с легкостью отбил несколько городов. Единственный союзник Московского государства на этом театре военных действий, Магнус, в 1578 году перешел на сторону поляков. Вероятно, ему трудно было простить то страшное унижение, которому подверг его Иван Васильевич, и те потери, которые он понес в связи с крахом своей авантюры. Таким образом, эмоции государя дорого обошлись стране.

Победы 1577 года рухнули, как карточный домик, от первого же дуновения войны...

Последним значительным успехом русской армии в Ливонии было взятие Полчева в конце 1578 года²³². К тому времени Венден уже был потерян (притом латыши, находившиеся в городе, помогли полякам занять его)²³³, и государь, вероятно, очень досадовал, лишившись главной жемчужины в короне триумфального похода 1577 года. Эта потеря обесмысливала успехи, достигнутые нашими полками при личном участии Ивана Васильевича, а царь ко всякой своей победе относился трепетно. Он велел воеводам идти отбивать Венден²³⁴. Но тут произошло странное событие, о котором кратко сообщает разрядная книга: «И воеводы сделали не по государеву наказу, не пошли к Кеси (Вендену), а пошли в Юрьев в Ливонской»²³⁵. С чем связано феноменальное неповиновение командующего русской армией князя Ивана Юрьевича Голицына? Воевода ссылается на то, что наступать просто «...не с кем, людей мало».

Этот малозаметный эпизод маркирует перелом в последних наших успехах на Ливонском театре военных действий и, одновременно, точку, откуда началось падение в бездну. Все. Страна истощила военные ресурсы.

Итак, 1578 год — переломный...

Очень важна реакция Ивана IV. Он не замечает знаменнейшего времени, не желает их видеть. Ему все мерещится тот великий час, когда русским полкам сдался Полоцк. Ему все кажется, что Московское государство неистощимо. Ему видится та идеальная военная машина, которая работала на него пятнадцать лет назад. А ее больше нет. «Автомобиль» находится в полуразбитом состоянии, бензин на исходе, покрышки облысели, гайки сыплются на поворотах, вода закипает в карбюраторе... Государь велит: брать Венден! Он пытается усилить армию, снимает «з берега» воевод князя Василия Андреевича Сицкого, а также князя Петра Ивановича Татеева, и, возможно, их отряды. Как видно, страшный

урок 1571 года Иваном IV уже забыт... Затем под Венден отправляются государевы эмиссары «из Слободы»: Данила Борисович Салтыков и дьяк Андрей Щелкалов. Их задание: «промышлять своим делом мимо воевод, а воеводам с ними»²³⁶, т.е. поторопить действия западной армии. Фактически царь делает последнюю крупную ставку в ливонской игре, еще не зная, что больше у него таких возможностей не будет.

Сценическое действие заканчивается, начинается расплата за спектакль. Зрители требуют вернуть деньги, заплаченные за билеты, и лезут на сцену — бить актеров...

Воеводы осаждали город, жестоко местничая друг с другом. Московские пушки пробили брешь, но до штурма дело не дошло.

Польско-литовские и шведские войска предприняли совместную наступательную операцию против осаждающих. Их внезапное нападение, а также неспособность русского командования организовать должный отпор²³⁷ привели к трагическим результатам.

Наши войска бегут. Часть воевод погибает, другие покидают поле боя, заботясь лишь о спасении жизни. Среди последних оказался и князь И.Ю. Голицын, большой воевода. Курбский глуповато злорадствует, поминая несчастную судьбу плененных тогда военачальников: «...здесь, на великом сейме, на котором бывает множество народа, [они] подверглись всеобщим насмешкам и надругательствам, окаянные, к вечному и немалому позору твоему и всей святорусской земли, и на поношение народу — сынам русским»²³⁸. Потери — огромные²³⁹. 17 орудий захвачены неприятелем как трофеи. Датский дипломат Якоб Ульфельд оставил описание венденского разгрома. Среди подробностей, страшных и позорных, есть одна отвратительная. Русские артиллеристы, не желая покинуть свои пушки и не имея возможности их спасти, повесились прямо на орудиях, совершив тем самым, по понятиям христианским, ужасный грех.

Русские полки не проявили стойкости, характерной для первых лет войны или хотя бы для молодинской битвы. Видимо, сказывалась общая усталость от боевых действий, нежелание драться всерьез.

Далее поражения следуют одно за другим, каскадами. В 1579 году польский король Стефан Баторий, блестящий полководец, берет Полоцк, затем важную крепость Сокол, где были сконцентрированы крупные силы русских, а также ряд других укрепленных пунктов. Этим он наносит личное оскорбление царю Ивану Васильевичу, ведь царь так гордился грандиозной победой, достигнутой в 1563 году! Кроме того, сами полочане, видимо, не рвались остаться под скипетром Ивана IV. Местное население, прежде склонное доверять единоверным подданным русского царя, пострадало от жестокости, проявленной при взятии города, депортационной политики государя, а также опричных репрессий, и теперь оно склонялось к поддержке Батория. Так, польской армии помогал полочанин Коссонский²⁴⁰.

В Соколе наемники из армии Стефана Батория учинили такую резню, что даже не смогли остановиться, перебив всех живых русских, и принялись с остервенением кромать трупы.

Затем поляки взяли Великие Луки и учинили там жесточайший разгром, вполне достойный опричного террора в самые худшие его периоды. Была захвачена мощная крепость Заволочье, пали Невель, Велиж, Холм и Старая Русса. Наши корпуса разбиты под Торопцом и у той же Старой Руссы. Вражеские отряды разоряют ржевские и зубцовские места в сердце Тверской земли и почти доходят до новой резиденции Ивана Васильевича в Старице.

Ливонские замки сдаются шведским войскам. Шведы берут Нарву, затем, осмелев, — Ивангород, Ям, Копорье, Корелу... Захват Нарвы оканчивается жутким погромом, хуже татарского.

Опять восстает «луговая черемиса», и казанское направление требует новых войск. На юге крымцы и ногаи жестоко разоряют русские области. Московских полков не хватает прежде всего там, но пока не завершилась война в Ливонии, снять их с северного и западного фронтов невозможно.

В последние годы войны русским командованием несколько раз предпринимались попытки контрнаступления. Воеводам Трубецкому, Бутурлину, Хилкову и Хворостинину удавалось отбросить неприятеля. Под Смоленском польско-литовские войска терпят серьезное поражение. Однако это были частные успехи. Они, скорее, должны были показать способность нашей армии сопротивляться и в дальнейшем, нежели вести к стратегическому разгрому неприятеля.

Многие историки подчеркивали нравственное опустошение Ивана Васильевича в последние годы войны. Он вел себя вяло, нерешительно, запрещал воеводам вступать в сражения со значительными силами поляков. Из Разрядного приказа в полки приходят инструкции следующего содержания: «А будут поидут против вас литовские люди на прямое дело, и вы б от них отходили, а на прямое дело с литовскими людьми не ставилися...»²⁴¹ Относительно крепостных гарнизонов у царя было прямо противоположное требование: стоять насмерть. Но и здесь были исключения: по некоторым сведениям, Иван IV позволил отступить гарнизону Суши, выдвинутой в литовские владения и, очевидно, обреченной в условиях того времени. Кажется, воля его надломилась. Он опять всюду видит измену. Вождь, потрясенный неудачами, утративший стремление к победе, вряд ли мог переломить несчастливый ход боевых действий.

Р.Ю. Виппер прямо пишет о нем как о человеке физически и нравственно разбитом, «старике в пятьдесят лет», правда, способном еще на сильные дипломатические ходы... Н.М. Карамзин строго судит царя: «...гибли добрые россияне, предаваемые в жертву врагам Иоанновой боязли-

востью... Имея силу в руках, но робость в душе, Иоанн унижался исканием чуждого, отдаленного вспоможения, ненужного и невероятного²⁴². Он не думал сам выступить в поле; расположил войско единственно для обороны... Иоанн был в ужасе, не видел сил и выгод России, видел только неприятельские...»²⁴³

Да, возможно, царь переживает не лучшие свои дни. Он деморализован, он впервые осознает свою беспомощность в борьбе против западных соседей. Но его требование избегать столкновений с армией Батория опирается на здравое суждение о боеспособности вооруженных сил России. Люди измотаны, живую силу трудно собрать в кулак, командный состав по большей части — не первого сорта и, главное, утрачен боевой дух. Венден и Торопец четко показали: полки разбегаются, едва почувствовав на себе серьезный напор неприятеля. Но сам противник еще не до конца уверен в слабости московской армии, привыкнув к прежней ее мощи. Вступить в битву с ним означает, скорее всего, лишиться последних сил, еще способных *изображать* заслон на пути во внутренние области державы. Государю в таких обстоятельствах гораздо полезнее побыть трусом, нежели броситься в бой очертя голову. Политика бездействия, перемежающегося с короткими и редкими контрударами, — лучшее из возможного. Здесь Ивану Васильевичу трудно отказать в благоразумии...

В конечном итоге ресурсы главных противников Ивана IV также исчерпались. Стефан Баторий осадил Псков с армией в 47 000 бойцов, да и застрял там надолго. Напал на Псково-Печерский монастырь, но тамошние монахи и воинские люди храбро отбивали приступы... Воевода князь Иван Петрович Шуйский искусно устроил оборону Пскова, отбивал все атаки королевских солдат и крепко досаждал им вылазками²⁴⁴. Огонь мощной городской артиллерии способствовал утрате боевого духа неприятелем. В итоге королевские войска понесли тяжелые потери, однако выполнить

задачу не смогли и вынуждены были отступить от Пскова, проведя под его стенами около четырех месяцев...

В феврале 1582 года великолепная армия Стефана Батория, усиленная отрядами наемников, набранных по всей Европе, пошла прочь от города. По значению своему псковская осада близка к молодинской битве. Внутренние области России оказались избавлены защитниками Пскова от почти неминуемого вторжения поляков. Теперь у самой Польши не доставало сил и средств для продолжения войны.

Между тем наступление шведов также затормозилось. Их полевой корпус потерпел поражение, а осенью 1582 года попытка взять Орешек на Ладоге окончилась неудачей. Талантливый шведский полководец Делагарди положил немало своих солдат, пытаясь захватить крепость, стоящую на острове, там, где Нева вытекает из Ладожского озера. Но Орешку вовремя пришла на помощь рать князя Андрея Ивановича Шуйского. Шведам пришлось отступить.

В январе 1582 года было заключено Ям-Запольское перемирие с Речью Посполитой, а в августе 1583 года — Плюсское перемирие со Шведским королевством²⁴⁵. Россия лишилась значительной территории. Потери были все завоевания России, а также собственно русские земли — Велиж, Ивангород, Копорье, Ям. Лаконичный итог тяжелой Ливонской войне, вчистую проигранной Московским государством, подведен псковской летописью: «Царь Иван не на велико время чужую землю взял, а помале и своей не удержал, а людей вдвое погубил». Б.Н. Флоря завершает рассказ о четвертьвековой борьбе за Ливонию справедливым вопросом: «Был ли неизбежен столь плачевный исход этой войны для Русского государства? Не привели ли к такому шагу ошибки и просчеты, допущенные самым главным инициатором войны Иваном IV, который, верно наметив цель, не смог найти верные средства для ее достижения?»²⁴⁶

По мнению некоторых историков, Иван IV жаждал реванша и был настроен возобновить войну при удобном сте-

чении обстоятельств. Он мог надеяться на ссору Речи Посполитой и Швеции из-за ливонских земель: это создало бы благоприятную дипломатическую и военную ситуацию для Московского государства. Государь искал также военного союза с англичанами. Во время Ливонской войны подданные Елизаветы I сталкивались на море с неприятелями России, завязывали с ними бои и наносили поражения. Английская корона выгодно сбывала Московскому государству стратегически важные товары, например медь, серу, селитру, свинец, против чего восставали поляки, ливонские немцы и германские города. В 1582—1583 годах Иван Васильевич попытался навязать англичанам обязательство оказать ему военную поддержку в новом противостоянии со Стефаном Баторием. Те выставили заведомо невыполнимые контртребования, и сделка сорвалась.

О чем свидетельствует сам факт подобных переговоров? Прежде всего, о том, что царю вновь изменили чувство меры и здравый смысл. Досада от проигрыша ослепляла его, а унижение вызывало гнев. За ничтожный срок, прошедший после заключения Ям-Запольского перемирия, страна немало не оправилась от военных потерь, армия отнюдь не восстановила прежнюю мощь. А государь вел себя подобно капитану, однажды потерпевшему крушение у скалистых берегов и, по прошествии недолгого времени, вновь направляющего свой корабль на те же камни. Казалось бы, совсем недавно Иван Васильевич проявил способность видеть горькую правду и разумно оценивать силу поредевших русских полков. Теперь беспечная жажда реванша снедала его... До самой смерти.

Итак, со времен последней Казанской войны царь Иван IV был главнейшим военачальником России. На протяжении нескольких десятилетий он имел решающее слово в делах, касающихся боевых действий и армии. Все успехи и неудачи Московского государства в значительной степени — его успехи и неудачи²⁴⁷. Допустим, во времена «Казанского взя-

тия» ни упорство государя, ни его способности, ни испуг его в решающий момент не играли еще первенствующей роли, хотя и влияли на дела²⁴⁸. Зато впоследствии воля Ивана Васильевича оставляла отпечаток повсюду и везде.

Был ли он храбрым военачальником? Оправдывает ли его биография знаменитые слова: «к ополчению дерзостен и за державу стоятелен»? Отчасти. Немногие из русских государей, считая от Ивана Великого до Федора Алексеевича, могут сравниться с Иваном IV по количеству выходов в поле с войсками. Царь играл роль командующего в походах не менее десяти раз, если не считать опричный разгром северных городов и походы, отмененные при самом начале. Иной раз государь проявлял недостаток решительности, в другое время бывал храбр и настойчив. Его действия выдают пылкий характер и, одновременно, недостаточную твердость.

Задумывая наступление, Иван Васильевич обыкновенно проявлял себя как хороший тактик. Возглавленные им экспедиции 1562—1563, 1572—1573 и 1577 годов закончились победой. Как полководец первый русский царь ни разу не потерпел поражения.

Другое дело, как он проявил себя в качестве стратега и организатора военного дела.

Выбирая направление главного удара во второй половине 1550-х годов, Иван Васильевич не согласился с настояниями влиятельной политической группировки, настаивавшей на концентрации всех сил против Крыма. Это решение имело под собой серьезные основания. Так же как начало борьбы за Ливонию и стремление любой ценой удержать казанские земли. Но чрезмерное оголение южных окраин государства в погоне за успехами в Ливонии оказалось непоправимой ошибкой. Московский пожар 1571 года и разгром обороняющей столицу армии ничем оправдать невозможно. Столь же трудно найти оправдание для бесконечного затягивания военных действий в Прибалтике и жестокого отношения к местным жителям. Маниакальное стремление захватить всю

Ливонию, неспособность умерить аппетиты, вовремя удовлетвориться достигнутым, не рискуя «повышением ставки», привело к катастрофическим последствиям. Иван III умел прервать боевые действия и пойти на мировую, как только чувствовал, что результат войны становится неочевидным. К сожалению, его внук был лишен подобного умения. В итоге ливонская бездна пожрала русскую армию, да еще и отгрызла от русского пирога изрядный кусок.

Что касается организационно-административной деятельности царя, то и ее невозможно счесть удовлетворительной. Да, введение стрелецкого войска, а также «избранной тысячи» представляется весьма разумными, своевременными преобразованиями²⁴⁹. Но опричный военный «эксперимент» стоил вооруженным силам Московского государства столь дорого, что польза от предыдущих здоровых реформ абсолютно перекрывается его негативными последствиями.

Общий итог деятельности Ивана IV в военной сфере с рядом оговорок следует признать отрицательным.